

Тукэдун
Циншэн

Преодолевая

**КОНЕЦ
СВЕТА**

ТД «БЕЛЫЙ ГОРОД»
YUAN FANG PUBLISHING HOUSE
МОСКВА. 2018

Тукэдун Циншэн
Преодолевая конец света

ТД "Белый город"

2018

УДК 821.581
ББК 84(4\8)КИТАЙ

Циншэн Т.

Преодолевая конец света / Т. Циншэн — ТД "Белый город", 2018

ISBN 978-5-00119-045-5

Эта книга – первый перевод на русский язык детективно-философской повести современного китайского писателя Тукэдуна Цишпэна. Отчаявшийся владелец типографии, едва сводящий концы с концами, неожиданно разбогател на издании западного бестселлера о пророчествах Нострадамуса и о близком конце света. Однако вскоре он с ужасом обнаруживает, что его книга спровоцировала вполне невымысленный апокалипсис в головах окружающих... Детективный сюжет повести разворачивается на фоне китайских «лихих 90-х»: первые богачи, первые сотовые телефоны, первые ситуации нравственного выбора для чиновников, простых людей и для молодой девушки-адвоката по имени Цин Ни. Каждый из них переживает свой своеобразный «конец света».

УДК 821.581
ББК 84(4\8)КИТАЙ

ISBN 978-5-00119-045-5

© Циншэн Т., 2018
© ТД "Белый город", 2018

Тукэдун Циншэн

Преодолевая конец света

© Yuan Fang Publishing House, China, 2018

© ТД «Белый город», пер. на рус. яз., 2018

Миллионер Сюеи Чен убил своего единственного сына.

Эта удивительная новость потрясла город А. Общество разделилось в поиске внутренней подоплёки происшествия. Старики говорили, что судьба миллионера Сюеи Чена незавидная: деньги испортили его, но в предумышленное убийство никто не верил. Жена же рассказывала, что он заимел ребёнка на стороне и умышленно убил старшего сына. Она ходила по всем инстанциям и просила суд приговорить его к смертной казни. Друг Сюеи Чена из Шанхая пригласил юриста Ван Циньни, которая была когда-то в городе А знаменитым адвокатом, чтобы она стала его защитником на суде. Люди с нетерпением ожидали развития событий...

Сюеи Чен выбросил обжигающую пальцы сигарету в канализацию, вытер губы и зашагал в замусоренный цех.

Он посмотрел на стопы бумаги в холле, сплюнул слюну, как будто бы хотел развеять вокруг себя запах краски. Этот аромат, знакомый ему до неприязни, всегда вызывавший воспоминание о более чем двадцатилетней скучной, надоедливой типографской жизни, он ещё ребенком всегда чувствовал от отца.

Начиная с прошлого месяца, его маленькая типография начала работать в убыток, причиной стала устаревшая технология и высокая себестоимость производства. И беда не приходит одна. За короткий срок, внезапно, в их районе появилось более десятка мелких фабрик, что увеличило конкуренцию. Теперь, чтобы снизить производственные расходы, пришлось сократить двух механиков, которые работали с ним два года. На сердце стало ещё тяжелее от осознания того, что изменить полностью ситуацию за счёт выполнения мелких заказов невозможно.

Но неожиданно произошли перемены. Дело в том, что вчера Сюеи Чен встретился со старшим другом Гуанем в маленьком парке, где тот занимался тайцзицюань Чень Ши. Гуань около десяти лет тому назад перешёл из синьциюань, и Сюеи Чен считался его собратом. В парке на каменном столике лежала книга в чёрном переплёте, создавая резкий контраст с элегантно белой атласной тренировочной формой Гуаня.

Обложка книги завораживала: ослепительно белый крест в небе, потресканная земля и название «Пророчество о судном дне». Сюеи Чен поздоровался с братом Гуанем и машинально открыл книгу. Пролистнув первые две страницы, он профессиональным двадцатилетним чутьём ощутил потенциальную энергию этого пророчества, способного разбудить в читателях настоящее предчувствие «человеческой катастрофы»! Превосходно! Он понимал, что психология китайцев устроена так, что всё заинтересовавшее должно быть на слуху. При этом большим преимуществом являлось время: ведь до прогнозируемого конца света в августе 1997 года ещё оставалось пять лет и два месяца. Срок не настолько далёкий, чтобы люди не обратили на это внимание, и не слишком близкий, чтобы предаться панике – да хранят нас небеса!

Сюеи Чен почувствовал возможность хорошо заработать.

Одолжив у брата Гуаня книгу, он поспешно пошёл домой. Глядя ему вслед, Гуань покачал головой.

Сюеи Чен жил прямо на фабрике. Через наполненный оборудованием цех он прошёл к маленьким смежным комнатам, одна из которых служила жильём для них с женой, другая – для деловых встреч. Он включил настольную лампу, сел на разваливающийся стул и прочитал книгу на одном дыхании.

Содержание книги так его потрясло, что он аж прищёлкнул языком. Интуиция не подвела Сюеи Чена: книга может стать бестселлером, лидером продаж! Единственное, на что можно

было посетовать – это непростой язык, затрудняющий понимание. Он открыл последнюю страницу, чтобы посмотреть на количество экземпляров. Две тысячи книг, число не велико, и из мало знакомого издательского дома в провинции Гуанси. Он поднял телефонную трубку, набрал номер директора местной авторской службы Сяо Цян и попросил проверить, является ли эта книга оригинальной. Через несколько минут Сяо Цян сообщил, что книги нет в списке издательских кодов, а это равносильно тому, что оно незаконное, то есть пиратское. В сердце Сюеи Чена вспыхнул восторг.

Сюеи Чен никогда и ни в чём не советовался с женой, потому что считал, что она не разбирается в его делах. Но на этот раз он сделал исключение, чтобы воспользоваться деньгами жены и вложить максимальные средства в предстоящее издание. Поскольку книга является незаконной, но перспективы заманчивые, лучше потратить несколько сотен юаней на приобретение издательского кода, что, скорее всего, не составит труда в их округе, где все занимаются книгами.

Он крикнул в сторону цеха: «Малый!», и на его зов прибежал промасленный худой человек лет сорока. Он был учеником Сюеи Чена по синьциюань, более того их связывала почти тридцатилетняя дружба. «Ты прочитай эту книгу и сделай ксерокопию, страниц немного, всего-навсего пятьдесят или шестьдесят тысяч иероглифов». Сюеи Чен знал, что современные технологии уже давно используют компьютеры, но у него не было денег на новое оборудование, и вся надежда оставалась на этот случай.

Он ещё раз всё обдумал и решил всё же не говорить пока с женой.

Сюеи Чен впервые инвестировал собственные средства в издание книги.

Две недели спустя новая книга в сто тысяч иероглифов «Пророчество о судном дне» вышла. Она была больше, чем первоначальное издание на десять тысяч иероглифов. Это дописал его юный друг Сяоцин Хуан, который сейчас учился на магистра литературы. Парень действительно был талантлив, и навыки написания стихов, что приобрёл в университете, сейчасгодились.

Он не только переписал «Пророчество о судном дне» Нострадамуса, удлинил и добавил красок, но также расширил область предсказаний, даже добавил туда терроризм. Также вписал любимые китайцами книгу перемен «Йи Цзин», книгу пророчества «Туй бэй ту» и другие народные достояния. А в конце вообще сказал, что если внимательно прочесть Библию, то конец света в ней и «Пророчество о судном дне» – почти одно и то же.

Сюеи Чен, довольный, открыл последнюю страницу, убедился, что указан миллионный тираж. На самом деле было напечатано всего две тысячи экземпляров. Во-первых, всё же были определённые опасения. Во-вторых, деньги жены ещё не в руках, и нет возможности напечатать больше. Но сколько на самом деле книг, которые действительно можно печатать сразу миллионным тиражом? Не так много. И он хотел создать искусственный ажиотаж, привлечь больше читателей. Одним словом, использовать данные о тираже как маркетинговый ход.

Сюеи Чен знал все крупные книжные магазины города. Кроме магазина «Синьхуа», где централизованная и единая закупка товара, все остальные магазины подбирают ассортимент на своё усмотрение. Они лишь берут книги на реализацию и рассчитываются после продажи. Сюеи Чен опять забрался на свой старенький велосипед, взяв с собой пятьдесят экземпляров книги «Пророчество о судном дне» и направился в книжный магазин «Бао Жи». Это небольшой книжный магазин с очень приятным декором под старину. Несмотря на то, что сам магазин небольшой, у него есть несколько филиалов. И у владельца хорошая репутация, так как он против пиратских книг.

Директор магазина Лин сидел за столом рядом со входом. Он надел очки, открыл «Пророчество о судном дне», то ахал, то охал, а у Сюеи Чена сердце выпрыгивало из груди от волнения. Он с нетерпением спросил:

– Ну что? Плохо?

– Ну, как сказать... сама книга неплохая, захватывающая... Но ты же знаешь, я не продаю пиратские книги, боюсь испортить репутацию.

– Это ни в коем случае не пиратская книга! Лин, мы с тобой сотрудничаем не первый раз, если бы это была пиратская книга, я ни за что бы к тебе не обратился!

– Если книга не пиратская, то почему в ней столько ошибок? – с вопросительным взглядом проговорил Лин.

– Да это я не того редактора нанял. Он раньше работал в администрации, после того как его убрали, стал редактором. И опыта немного ещё, и самоуверенность с тех времён осталась, вот и делает ошибки... Если бы это было незаконное издание, меня бы здесь не было. – Сюеи Чен придумывал отмазки на ходу, в сердцах матеря Сюэцин Хуана.

– Ладно, я тебе доверяю. – Лин посмотрел на ценник: двадцать юаней. – При себестоимости в два юаня... ничего себе, миллион штук?

– Ха-ха, ты же знаешь, откуда у меня деньги на миллион экземпляров? В бою все средства хороши... Я отдам тебе по семь юаней, нормально?

– Хорошо, договорились! – кивая головой, встал из-за стола Лин.

В течение одного дня Сюеи Чен на своём велосипеде из двухсот книг развёз две трети. Книги были развезены во все известные магазины, кроме магазина «Синьхуа» и нескольких других крупных магазинов. А Сюэцин Хуан ещё написал о книге статью в газету под заголовком «Катастрофа человечества»!

Сюеи Чен не спал всю ночь, ему всё время снились кошмары.

Ему снилось, что он скатился в пропасть с заледеневшими скалами. Дует ледяной ветер, мрачно, он весь дрожит от холода, ноги как будто связаны верёвками, свободны только руки, но всюду скользко, и он никак не может выбраться наверх.

Когда он проснулся, солнце уже стояло высоко. Сон не давал ему покоя, ему казалось, что это предвестник чего-то плохого.

За последние годы он уже стал бояться неудач. Что бы он ни делал, везде получался провал. Открыл кафе, не прошло и полгода, как обанкротился. Открыл магазин, через два месяца уже не хватало оборотных средств, в итоге ещё и партнёр его кинул, забрав весь склад себе. Сгоряча занялся сетевым маркетингом, за две тысячи восемьсот юаней приобрёл детский аттракцион-качалку, дальше ему промывали мозги, написал письма друзьями и родственникам, чтобы те стали следующей ступенью в его пирамиде, в итоге задолжал всем в округе около ста тысяч и до сих пор ещё не расплатился. Правда, продолжает считать, что такой маркетинг действительно эффективен. Если бы государство не вставляло палки в колёса, то все участники пирамиды смогли бы разбогатеть. Он просто не умел проигрывать.

Сейчас девять тридцать утра, магазины только открылись, наверняка ещё нет покупателей. Он настолько волновался, что готов был одним махом обойти все двадцать с лишним магазинов. Он так надеялся увидеть длинные очереди из желающих приобрести его детище – «Пророчество о судном дне». Он кое-как смог дотерпеть до половины одиннадцатого и всё-таки позвонил Линю. Линь долго и нудно что-то объяснял, потребовалось время, чтобы понять, что он хотел сказать. В итоге из длинного монолога Сюеи Чен смог разобрать, что были проданы четыре книги, и что рассчитаться с ним смогут только после того, как все книги будут проданы.

От этих слов на душе у Сюеи Чена стало радостно и тепло. Он не торопился забрать расчёт, ему вообще не важны были десятки юаней от продаж. Его цель была гораздо выше! Слова Линя вселили надежду, что риск был оправданный. «За полдня, нет, даже за половину первой половины дня уже проданы четыре книги...», – размышлял он.

Прошло три дня. Эти три дня длились, как три года. Сюеи Чен звонил Линю минимум десять раз на дню, но больше не было продано ни одной книги. Прошла неделя, Сюеи Чен уже начал отчаиваться, перестал звонить Линю и вообще старался избегать слова «книга».

Жена каждый день встречала его с недовольным видом, бурча себе что-то под нос. Она растолстела, ходила, покачиваясь из стороны в сторону, как гусь. Недавно записалась ещё в какой-то хор, всё время чем-то занята. У них давно нет интимных отношений, живот супруги, в глазах Сюеи Чена, похож на гору, причём пострашнее Эвереста.

Отсутствие близких отношений с женой всегда даёт ей повод усомниться в его верности. Ведь должен же он как-то удовлетворять свои сексуальные потребности. Её самый большой страх – остаться в старости в одиночестве и нищете, поэтому она очень старательно откладывает записку. Она не потерпит неудач, поэтому можно и не рассчитывать на то, что она раскошелится ради него.

Сяо Линю – однокласснику Сюеи Чена, после сокращения на работе, было нечем заняться, и он часто заходил в типографию. Этот чрезвычайно спокойный человек в последнее время пристрастился к алкоголю, и складывалось впечатление, что он в лёгкой депрессии.

В школьные времена они сидели за одной партой, после уроков всё время залезали в бомбоубежище напротив школьного здания, по темну, пытаясь не наступить в отходы жизнедеятельности человека, тайком курили сигареты. И чтобы учителя и другие ученики не понимали, о чём речь, называли сигареты сеном.

Сяо Линь заметно постарел, чёрные круги под глазами, лицо обвисло, в руке держит сигарету без фильтра.

– Сюеи, давай я побегаю по местным книжным магазинам, всё равно сижу без дела.

Сюеи Чен кивнул головой, уловив запах перегара, доносившийся от Сяо Линя.

– Сюеи! – запыхавшимся голосом позвонил Сяо Линь (Сюеи Чен ещё слышал звуки проезжавших машин с другого конца трубки). – Ты... ты знаешь?! В двадцати магазинах всего города было продано больше ста пятидесяти книг!

– Что? Сто пятьдесят?! Это правда?! – он почувствовал, что кровь прилила к его голове, и голова начала кружиться.

Сюеи Чен никогда не ходил по дорогим ресторанам, но сегодня он сделал исключение. Он пригласил Сяо Линя и Сяоцин Хуана в ресторан ретро стиля – ему всегда нравилось всё, что связано с этим стилем. Всё в этом ресторане было под старину, даже официанты были в золотистой форме под наряды династии Тан. Он заказал большие тефтели, жареное мясо на сковороде и мясо со вкусом рыбы.

Сяоцин Хуан повернул пухлое лицо, недовольно скривил губы: его раздражал набор старых блюд, но сказать он ничего не мог. Сюеи Чен открыл бутылку водки, налил два полных стакана, Сяо Линь знал, что Чен никогда не пьёт водку, поэтому обернулся, чтобы позвать официанта.

С улыбкой на лице появилась официантка, неся на подносе три стакана пива, ещё один официант приближался с другим подносом. Сяо Линь знал старую привычку Сюеи Чена: если он пил пиво, то заказывал только яйца сунхуадань и орешки, потом выпивал залпом первые три стакана, нагибал голову и ждал отрыжку, затем выдыхал и сообщал всем, что холодное пиво заморозило ему мозги, аж все кончики пальцев онемели. Сейчас Сюеи Чен, как и всегда, повторил традицию и с горящими глазами произнёс:

– До дна! Давайте всё до дна! Ха-ха-ха... грядут перемены!

Он только сейчас осознал, что Сяоцин Хуан – это сокровище.

Деньги жены – это единственный источник финансов Сюеи Чена. На первую партию книг он потратил около четырёх тысяч юаней, но даже эта сумма ему казалась астрономической. Он вдруг вспомнил информацию из телепередачи, в которой говорилось, что необходимо делать вклады на собственное имя. Такой куркуль, как его жена, уж точно не стала бы делать вклады на чужое имя. Даже на сына бы их не записала. При этой мысли он набрал номер телефона Бай Бяу из местного полицейского отдела, чтобы с ним обсудить вопрос, как бы проверить сбережения жены.

Бай Бяу – это парень, которого он взял к себе в ученики, занимаясь боевым искусством в парке. Это было полгода назад. В ту пятницу он проснулся и побежал в парк, даже не успев умыться. Он занимался боевым искусством уже больше тридцати лет. Нельзя сказать, что он добился больших успехов, но и бросать это дело тоже было жалко. Выучены были всего несколько приёмов, и он их повторял десятками тысяч раз, а то и сотнями тысяч раз. Каждый раз набирался нового опыта, но поверхностно. Он не любит быть дилетантом, поэтому, несмотря на скуку, занимался усердно. Он иногда обвинял предков, создателей ушу, что те слишком субъективны и превратили боевое искусство в изобразительное искусство. В тот день Бай Бяу наблюдал, как он занимался, и в глазах застыл немой вопрос.

– Слушай, а ты в движения вкладываешь боевой смысл, да?

– Я не смысл вкладываю, это и есть боевые приёмы, – недовольно ответил Сюеи Чен, прекращая заниматься.

– Ага... а ещё смотрю, ты редко задействуешь нижнюю часть тела, почему ногами не пользуешься?

– Подняв ногу, половина тела пустеет, – ответил Сюеи Чен, разглядывая Бай Бяу.

– А если я пну ногой в бок, что вы будите делать?

– Как только ты меня пнёшь, а точнее, как только твоя нога прикоснётся ко мне, я тут же словлю твою ногу, затем нанесу ответный удар, – показывая приём, ответил Сюеи Чен.

– Словишь ногу? – Бай Бяу недоверчиво окинул взглядом худощавое тело Сюеи Чена.

– Да, словлю ногу. Не смотри, что я старый и худой. Хочешь, давай проверим. Если травмируешь меня, не буду тебя винить, – со злобным видом произнёс Сюеи Чен.

– Ну, тогда давай попробуем? – У Бай Бяу загорелись глаза.

– Давай попробуем.

Сюеи Чен встал боком, зафиксировал ноги, занял позу. За эти годы, жажда борьбы явно убавилась. Если бы несколькими годами раньше у него спросили, есть ли в его движениях боевой смысл, он бы сам первым предложил спарринг. Он считал, что характер человека очень сильно зависит от возраста.

Бай Бяу делал движения руками, очень похожие на бокс, так как руки держал высоко, подумал про себя Сюеи Чен. Бай Бяу размял суставы на руках и ногах, не отводя взгляда от Сюеи Чена, в глазах была полная уверенность в себе. Секунду спустя нога уже полетела, причём движением точным и быстрым.

Когда Сюеи Чен только услышал, что тот хочет посостязаться, сначала немного напрягся, боялся промаха. Но сразу же успокоился, так как увидел, что противник уверенно стоит в позе, соответственно, основы освоил плохо.

Как только Сюеи Чен увидел, как у того дёрнулось плечо, не дожидаясь пока поднимется нога, сразу немного выставил свою ногу вперёд и выдвинул руку, чтобы словить ногу противника. Рука немного скользнула, но всё равно удалось удержать ногу. В доли секунды он поднял вверх голень, пользуясь моментом, провёл своей ногой по второй ноге противника, и тот тяжело рухнул на землю.

– Учитель! Вы прямо супер! – восторженно заявил Бай Бяу.

– Ну что вы, что вы... Просто ты немного отвлёкся и позволил мне воспользоваться моментом. Если бы ещё раз повторить, уверен, я наверняка проиграл бы.

– А как называется это боевое искусство?

– Синьциюань. Приёмы тут совсем несложные, самое главное – это сила и скорость.

Мятежный полицейский Бай Бяу был поражён и решил стать учеником Сюеи Чена.

На самом деле Сюеи Чен считал, что он не особо годится тому в учителя, ибо у Бай Бяу и сила, и скорость были на порядок выше, а ещё он служил в спецотряде больше года, и не так серьёзно относился к факту «падения на пол». Если бы тот не так резко начал атаку и чуть

менее явно выдавал бы приёмы, то исход мог бы быть совсем другим. Просто на тот момент он не знал, что Бай Бяу – полицейский, да и с учеником заниматься интереснее, вот и согласился.

Бай Бяу услышал, что у учителя есть дело к нему, сразу собрался и подъехал к типографии на своей служебной машине. Сюеи Чен выложил всё как есть, не утаивая ничего.

– Учитель, ты имеешь в виду накопления жены, верно?

– Да, у меня наклёвывается одно дело, а точнее одна книга, с очень большими перспективами. Но средств не хватает, а они нужны для выпуска книги. У жены они есть, но ей всегда их жалко тратить, хотя это не растрата, а вложение средств.

– А сколько денег надо? – задумчиво спросил Бай Бяу.

– Чем больше, тем лучше, примерно несколько сотен тысяч.

– Несколько сотен тысяч?! Ну... у меня есть двадцать тысяч, может, пока их возмём?

– Да нет, что ты! Ты лучше скажи, как я смогу найти сбережения жены?

– Да это легко! Давай я сделаю.

– Ты расскажи вкратце, чтобы понимать.

– У нас есть такая процедура, называется «Запрос уведомления в письменной форме», таким образом можно проверить её сбережения, можно проверить любого, – сказал Бай Бяу.

– Замечательно! Когда будет готово? И да, надеюсь, тебя это не сильно напряжёт.

– Как её зовут?.. Ага, Ятсин Ван.

Бай Бяу открыл дверцу микроавтобуса, стряхнув слой пыли. Спустя два часа он позвонил, на счету жены оказалось сто сорок пять тысяч триста юаней, но лежат они на нескольких разных счетах. «Если хочешь снять деньги, обязательно нужно знать пароль, тогда в банке не возникнет проблем. Пароль?? Как обойтись без него?» – Сюеи Чен подумал о хитроумном Сяоцин Хуане.

Сяоцин Хуан предположил в качестве пароля несколько возможных вариантов: даты рождения всех трёх членов семьи, номер телефона или даты каких-либо важных событий. Сюеи Чен сразу подумал о своём сыне Сяои Чене, который учится в старшей школе. Сейчас он – единственное связующее звено их семьи, к тому же воспитанный и эрудированный ребёнок. Сяои – гордость Сюеи Чена, а также капитал, которым можно похвастаться перед другими. Как только он думает о сыне, сразу появляются невообразимые чувства.

Паспорт жены лежал на шкафу. Сюеи Чен суетливо запихнул его в карман верхней одежды, быстро запрыгнул на древний поржавевший велик и поехал в ближайшее отделение банка.

Он заметно нервничал. «Ну, так кто Я Тсин Ван мне в конце концов? Разве не моя жена? Разве я не имею права на её деньги?» Подумав так, он сразу же успокоился. Он просунул паспорт в окошко, на него посмотрел круглолицый толстячок – работник:

– Пожалуйста, введите пароль.

Потными руками он начал набирать пароль: 195362, день рождения жены.

– Вы кому-то снимаете деньги, верно? – из репродуктора донёлся приторно-сладкий голос.

Он решил сказать, что это для его жены.

– Введите пароль!

Смахнув с лица капли пота, он вышел из банковского отделения.

Согласно адресу, который дал ему Бай Бяу, он двинулся к другой кассе банка. Чернолицый охранник проводил Сюеи Чена взглядом. Он подумал, что ему не хватает уверенности, даже руки и ноги двигаются неестественно. Он собрался с духом, чтобы ввести дату рождения сына: 1979 год 5 мая превратилось в 197955.

– Господин, ваша сберегательная книжка?

– А? Потерял.

– Зарегистрировали утрату?

– Да, я только что потерял, эта – на имя жены, – утерев пот, сказал Сюеи, и в смятении просунул паспорт жены в окошечко.

– Введите пароль.

– Ага.

Его осенила блестящая мысль – ввести дату рождения сына наоборот: 559791.

– Какую сумму снимаем?

Его сердце взволнованно забилося:

– Всё! Всё снимаем!

Сюеи Чен потратил целых пять дней, чтобы забрать всё до копейки. Затем, испытывая угрызения совести, переписал сберегательную книжку на своё имя.

Сто сорок пять тысяч триста юаней. Если действовать согласно его плану, то можно напечатать максимум сто тысяч экземпляров – далековато от поставленной цели. Если просто так продавать и при этом повысить цену, то обязательно найдутся те, кто обвинит в нарушении авторских прав, и тогда можно лишиться всего. Значит, нужно ухватиться за временную разницу в цене. Вторая партия по количеству должна быть не такой уж и маленькой, а все деньги нельзя использовать только на выпуск книг, нужно сделать рекламу, в этом плане он уже знал к кому обращаться – к Сяоцин Хуану. Сюеи Чен в течение нескольких дней не спал и почти не возвращался домой, слишком он был взбудоражен, да и не хотелось сталкиваться с женой, хоть она всё ещё была в неведении.

Первое сражение произошло в этом городе. Сюеи Чен пригласил менеджера магазина «Синьхуа» по имени Ген отведать морепродуктов. Ген, допив свой суп с акулыими плавниками, извергнув из себя винный перегар, согласился взять дело в свои руки и дал гарантию, что его магазин сможет продать книгу Сюеи Чена. Услышав это обещание, Сюеи остался доволен, ведь капитала у магазина было достаточно, торговые точки находились по всему городу, к тому же охватывали книжный рынок половины страны.

В цехе печать была в полном разгаре. Громохание машин звучало для Сюеи Чена, как симфония. А Сюеи Чен подумал о рекламной кампании, которая очень важна. Ведь если она не сработает, то чем больше будет напечатан тираж, тем большие убытки он принесёт. В последние несколько дней Сяоцин Хуан был неуловим: используя различные псевдонимы, он писал десятки статей, с разных сторон описывая Нострадамуса. Заголовки статей, один хлеще другого, поражали людей. А поскольку статьи выходили в свет одна за другой, то Нострадамус стал известен всем и каждому в городе.

Люди только и делали, что обсуждали конец света. За неделю было продано более четырёх тысяч экземпляров «Конца света» («Пророчества о судном дне»).

Спустя месяц, Сюеи Чен сидел как-то в общественном туалете парка и услышал, как рядом, в соседней кабине, испражнялся кто-то ещё. Подтирая свой зад, он вдруг подумал, что хоть он и одержал так сказать победу, надо вторгнуться в Пекин и захватить государство целиком.

В тот день, невзирая на мелкий дождь, он пошёл в управление промышленно-торговой администрации с целью закрыть возродившуюся типографию и зарегистрировать новую: общество с ограниченной ответственностью, в котором только два акционера: он и его сын Сюеи Чен, где Сюеи Чен будет выполнять роль главы совета директоров, а Сяоцин Хуан будет назначен главным управляющим.

Сев на экспресс-поезд, Сюеи Чен, Сяоцин Хуан и Сяо Линцзы за пивом обсуждали будущие дела. Сяоцин Хуан смотрел в окно за мелькающим светом. Обращаясь к Сюеи Чену, у которого было беспокойно на душе, он сказал:

– Пекин, конечно, хорош, но у них ведь там своя состоявшаяся маркетинговая модель. Хотя оборотные средства не достигли ещё размера двухсот тысяч юаней, но насчёт расширения

масштабов не может быть и речи, «захватив» Пекин, считай, будем на самой высоте всего государства.

Сяо Линцзы в прошлый раз по низкой цене снял квартиру в пекинском районе Хайдянь, три комнаты и зал, плюс кухня вместе со всем гарнитуром и посудой, жить удобно и к работе близко. Сяоцин под эти разговоры аж опьянел.

Сяоцин Хуан сразу же ринулся в бой. Первым делом нанял на работу несколько сообразительных студентов. Спустя несколько дней все газеты печатали пугающие статьи, якобы Пекин накроет страшный ураган. Сделав такую «мягкую» рекламу, её расклеили ещё в книжных магазинах.

На следующее утро они завтракали втроём, вдруг услышали как кто-то в переулке обсуждает страшное для человечества бедствие, за соседним столиком сидел студентик, видом похожий на тех, что работают у них, с веснушками и высоким:

– Ты веришь в то бедствие, которое ждёт человечество? – спросил он.

– Конечно, верю. Нострадамус же предсказал, что всё это должно исполниться, к тому же его мнение совпадает с тем, что описано в нашей «Книге перемен». Оба источника предсказывают катастрофу, да ещё и время, и место совпадают! Разве ты не веришь? – задал встречный вопрос круглолицый пухляш.

– Я тоже верю! Не может быть, чтоб в этом не было смысла. Они ведь и про две мировые войны всё точно предсказали, и даже имя Гитлера. Разве есть причины не верить? – твёрдо заявил паренёк с веснушками.

– Это нам так «везёт»? Почему именно в наше столетие это должно случиться? – пухлый кинул палочки на стол и уставился в окно на спешащих куда-то людей.

– Катастрофа должна случиться 18 августа 1997 года. Получается, нам осталось менее пяти лет. В общем, вчера перед сном я размышлял о том, что нужно снова продумать всё ближайшее будущее, ведь осталось меньше 5 лет, а значит, всем ранее выдуманному планам пришёл конец, – серьёзно сказал паренёк с веснушками.

– Стоп. Разве не середина июля 1997 года? Почему вдруг 18 августа? – удивлённо спросил пухлый.

– Так это ведь старое европейское предсказание, ты пересчитай на новый календарь, получится что 18 августа, – промолвил высокий.

– Так или иначе – учиться больше нет смысла! Как только это объяснить маме. Однако ведь в предсказании не говорилось, что вымрет всё человечество, говорится лишь, что грядёт катастрофа. Скорее всего, будут выжившие, но они составят меньшинство. – Пухлый вдруг взял палочки и повернул лицо на своего собеседника. – То смысл продолжать жить есть.

– А какой смысл? Если катастрофа случится, то почти все умрут, да и близкие – кто куда, а какой тогда смысл существовать? – сказал высокий с веснушками.

Пухлый уставился в окно в поисках смысла существования.

– Жить! Просто жить, жизнь сильнее смерти. Я вот надеюсь, что все, кого я ненавижу, погибнут. И лучше б было, если первой была учительница Джан, мать её! – Высокий дал пухлому пятёру (ударил в ладоши).

Покончив с едой, они оба встали и вскоре их силуэты исчезли в переулке. Продавец выбежал на улицу и закричал им вслед:

– А деньги? Вы мне не заплатили!!

Этот крик заставил Сюеи Чена почувствовать какую-то непонятную, неясную грусть.

Сяоцин Хуан согласно интенсивности рекламы, которая уже проводилась несколько месяцев, мог с уверенностью сказать, что пекинский рынок пошатнулся и открыл для них свои двери. «Конец света» в скором времени станет бестселлером! А когда он услышал разговор тех студентов, то вообще раскраснелся. Он хлопнул рукой Сяо Линцзы, который держал в руках стакан, с фразой:

– Эй, с завтрашнего дня больше не пьём по утрам, если хочешь пить – пей вечером.

Сяоцин Хуан поднялся и сказал, обратившись к Сяо Линцзы:

– А знаешь почему? Потому что наша реклама уже проникла в сердца людей. Слышал этих ребят, которые сидели за соседним столом сегодня? Наша книга уже начала влиять на их жизни! Но до 1997 года осталось чуть меньше пяти лет, а это значит, что мы должны продолжать усердно работать и извлекать выгоду.

Сяо Линцзы повернулся к Сюеи Чену, его глаза заблестели:

– Господин директор, мы скоро покончим с пекинским рынком, но мы не можем рассчитывать только на себя, нужно привлечь других инвесторов к нашей работе, затем поделить рынок, чтобы в каждой провинции был наш представитель. Пекин почти завоёван, я предлагаю нам увеличить масштабы продаж. Нельзя, чтобы всё держалось только на одной книге, это неправильно, ведь мы хотим разбогатеть.

– Директор Хуан, а эта книга, ну то, что в ней написано, это правда? – спросил Сяо Линцзы, вытирая капли жира с губ.

– А кто его знает, – с пафосом ответил Сяоцин Хуан.

– Но ведь... как так? Разве это не глупо? – ответил Сяо Линцзы.

– Да какая разница? Хочешь сказать, эту книгу не выдумали люди? Каждый человек, прочитав, сам решит, как на это реагировать. Людей много, естественно, что тех, кто примет всё близко к сердцу, будет немало.

– У нас только эта книга, сформированная по чьим-то рассказам, верить или нет – дело автора. Как говорится, успех одного лежит через жертвы многих. Мы хорошо подзаработали, есть свой капитал. А что касается общества, ну, это их проблемы. Это вроде как называется общественные издержки. Жизнь в обществе вообще казино: есть победители, есть проигравшие. Какого чёрта ты вообще запереживал? И вообще, моя креативность сдвинула мир с мёртвой точки, посмотри как перепуганы китайцы, хоть какой-нибудь исторический герой мог такое? Я хочу максимально с этого разбогатеть, – тараторил без остановки Сяоцин Хуан.

Сердце Сюеи Чена, смотревшего на сияющее лицо Сяоцин Хуана, вдруг заняло. Он в который раз восхитился одарённостью Сяоцин Хуана. Он понимал, что поскольку Сяоцин Хуан не получил должность одного из акционеров, где-то в душе он затаил обиду. Но про себя Сюеи Чен думал, что всё сделал правильно, иначе потом столько было бы противоречий, да и к тому же это несправедливо, ведь капитал и идея изначально его, все риски на нём, с какой стати делать кого-то ещё акционером? Заработаем деньжищ – получит побольше, и всё честно.

Сяоцин Хуан, говоря, что идея его, разве не приписывал себе чужие заслуги? Люди, которые делают великие дела, обычно великодушны, их главная конечная цель – уважение окружающих, хотя нет, даже не уважение, а преклонение. Добился успеха – тут же на голове лавровый венок. «Самое важное для меня, – думал Сяоцин Хуан, – продвинуть сына Сяои, чтобы уехал за границу учиться и начал всё с высокого старта, не то что я».

Тут же с болью на сердце он вспомнил жену... «Ведь у этой жирухи ничего нет сейчас».

Книжный рынок Пекина открылся им. Это был первый раз, когда Цин Ни присутствовала в зале суда в качестве юриста, и это было не открытие дела, а вынесение судебного приговора.

Места для свидетелей были заняты одной дородной мамашей с тёмными кругами под глазами. За скамьёй подсудимых стоял один высокий здоровяк крепкого телосложения, фигурой напоминавший гориллу. Рядом с ним, не доставая его плеча, стоял судебный пристав, обвинителя пока не было. Места для публики были заняты только одним человеком.

– Сейчас огласят приговор по уголовному делу... Суд считает, что не было акта изнасилования.

Мамаша забеспокоилась, вскочила, на лице блестели капли пота. Обвиняемый, тронутый решением суда, повернулся к местам для публики, где сидела девушка, и заплакал.

Цин Ни – прекрасная девушка. У её родителей никогда не возникало и мысли, что они хотели сына больше, они лишь хотели, чтоб она всегда могла беззаботно существовать, подобно ребёнку.

Цин Ни Ван красива. Она выросла в уездном городке западной части Внутренней Монголии. Она родилась во время китайской культурной революции в 1971 году. Отец её всю жизнь проработал в организационном отделе партком уезда.

Уездный центр находился на западе реки Хуанхэ. Фактически это был небольшой городок, население которого составляло чуть больше двадцати тысяч человек. Поскольку город находился вблизи реки, забираясь на полицейскую вышку можно было видеть дорогу к реке, над которой расстилался туман. Дорога вела на запад, в самом её конце был перекресток. На юге от перекрёстка стоял огромный супермаркет, на севере – почта, на западе – трёхэтажное здание парткома уезда, а на востоке – здание суда.

Семья Ван всю жизнь прожила за зданием суда. Отец Ван работал в орготделе и был уважаемым человеком, при встрече каждый ему кивал. Ещё будучи ребёнком Цин Ни помнила, что все окружающие, завидев её отца, первыми подходили здороваться. По правде говоря, их семью нельзя было назвать влиятельной, но и обычной тоже не назовёшь.

В этой обстановке она провела восемнадцать лет своей жизни.

Во всём городке было только две начальные школы. Когда Цин Ни стала ходить в начальную школу, она нисколько не выделялась из толпы. Её жидкие волосы всё время были собраны в косичку. Но стоило ей пойти в среднюю школу, как её внешность резко изменилась. Её классная руководительница Ли получила образование в Пекине, отец её – военный участвовал в революции в провинции Цзянси, из пяти контрпоходов китайской красной армии он участвовал в четырёх, а после – и в других сражениях. Ему пророчили большое будущее, вместе с Линь Бяо бороться в антипартийной группе, но он рано скончался. Ли была похожа на своего отца. Она не осталась в Пекине, вернулась во Внутреннюю Монголию. Она – хороший учитель, уникальный, заботилась о детях больше, чем многие родители. Она выросла в «красных сте-

нах», видела многих руководителей ЦК, так как в конце каждой недели у них устраивались танцевальные вечера. Училась она хорошо, с детства у неё были свои далёкие идеалы, была начитанной, зная как западную литературу, так и древнекитайскую. Оставшись во Внутренней Монголии, она решила стать учителем русского и литературы.

Цин Ни в то время училась у учительницы Ли. Её подход к литературе не производил на Цин Ни особого впечатления, но вот её воспоминания о Пекине и больших городах оказали серьёзное влияние на Цин Ни.

Дети из провинции больше всего любили слушать воспоминания учительницы Ли о детстве, о Ванфуцзин, Дашилань, Цяньмэнь, о московских ресторанах, всё это оставило огромный отпечаток.

У учительницы Ли была ещё одна особенность – она поощряла детей учить английский. В то время учить языки было непопулярно, мол, за граница далеко, а иностранцы – плохие люди. Но Ли говорила: к тому моменту, как вы вырастаете, английскому языку будет отведена ключевая роль.

Все восхищались Ли, а она изящно стояла у доски и объясняла тему. Она всегда говорила очень убедительно, чем заставляла людей ей верить, а результаты по английскому языку в её группе были самими выдающимися.

Цин Ни как-то утомлённая сидела под топодем около здания суда, рисовала домик, потягивалась, её движения были странными, но прелестными. На улице постоянно одни и те же лица, этот одноэтажный магазин со своими вывесками со своими лозунгами в духе: «Развиваем экономику», эти стеклянные витрины, да даже этот кирпич, об который рано или поздно кто-то споткнётся. Всё это Цин Ни видела миллион раз. Ей надоела такая однообразная жизнь.

Какая же везучая учительница Ли, выросла в Пекине. Хоть сейчас она и живёт в глуши, но она всё видела с малолетства. У неё есть много детских фотографий, чёрно-белых, на которых видно, как её жизнь отличалась от жизни остальных.

На фотографии генерал с нахмуренными бровями – это её отец, а женщина с тонкими и правильными чертами лица – её мать. Вот их огромный одноэтажный дом со своим двором.

Цин Ни мечтала о такой аристократичной жизни, хотя её отец – всего лишь рядовой компартии уезда, но он очень уважаем среди людей.

В руках учительницы всегда была книга в коженном переплёте под названием «Конец света», которая помогла учительнице изменить взгляды Цин на жизнь. Она стала отличницей, на каждом уроке усердно трудилась, а по окончании школы сдала экзамены лучше всех.

Цин Ни намеревалась уехать далеко-далеко. Учительница Ли очень много рассказала им об известных произведениях, из иностранной литературы Цин узнала про профессию юриста. Цин Ни полагала, что юрист – представитель высшего общества, который защищает интересы рабочих. В её представлении это была такая же благородная профессия, как и учитель. Спустя время, когда на её счету уже было двадцать восьмое судебное разбирательство, она вспомнила про свои девичьи взгляды и рассмеялась. Училась она хорошо, но не стремилась вступать в пионерские отряды и никогда не изъявляла желания взять на себя роль старосты. Сдав экзамены после окончания школы, она поступила в Китайский университет политики и права. Как только она поступила, весь их городишко уже знал, что дочь Вана поступила в престижный столичный университет.

В течение четырёх лет учёбы она всё своё время тратила на изучение теории и английского языка. У неё не было времени посмотреть даже пекинские достопримечательности, даже на Ванфуцзине она была всего несколько раз, и то ради шоппинга.

У неё была любовь с детства к парню по имени Хай Тао, но прошли годы и он изменился, она в конце концов решила больше не ворошить прошлое и не возвращаться в свой городишко, чтобы отрубить с концами все эти мысли.

И тут судьба заставила её поверить.

Однажды Цин Ни пошла погулять недалеко от пруда. По дороге около небольшого магазинчика воришка выхватил из её рук кошелек. Новенькая в Пекине, всё что она могла – это сесть и заплакать. Хотя в кошельке было всего чуть больше сорока юаней, но денег на дорогу до университета не было. Её обступила толпа людей, но нашёлся молодой белолицый паренёк в цветной футболке, который предложил ей помощь. Он пригласил её перекусить, а потом помог добраться до университета. Его звали Лю Цзюнь, он был младше её на два года.

Лю Цзюнь – единственный ребёнок в семье, его родители – рабочие, они жили недалеко от пруда в одноэтажном двухкомнатном домике. Познакомившись, молодые люди стали друзьями. Он чуть ли не каждый день добирался до её университета, чтобы провести с ней время. У него не было постоянной работы: сегодня здесь поработает, завтра – там, в основном, конечно, жил за счёт родителей и их дохода. Лю Цзюнь, хотя и вырос в Пекине, но был сыном простых рабочих. Он восхищался сильным характером Цин Ни, но чувствовал себя не совсем достойным такой девушки. Цин Ни же он нравился, её привлекали его порядочность и отзывчивость.

В его глазах Внутренняя Монголия казалась далёким и безлюдным местом где-то на краю света. Но так было поначалу. Потом, когда Цин Ни рассказывала ему про свою малую родину, он проникся симпатией, проявлял к ней безграничную нежность, как к сестре.

Каждый день вечером он оказывался около спортивной площадки университета, выглядывая Цин Ни, которая с рюкзаком шла к нему вприпрыжку. У них не было денег, и они обычно покупали тофу с пальменями.

В её группе был ещё парень из провинции Аньхой, его звали Тин Юн, ребенок, выросший в горах. Как только Тин Юн переступил порог университета, он сразу влюбился в Цин Ни. Она сразу заметила это, но ответить взаимностью не могла. Ещё с уроков учительницы Ли она усвоила истину: если быть человеком, то благородным, если любить кого-то, то сильнее, чем себя.

Тин Юн был ребёнком из крестьянской семьи, вырос неподалёку от известной горы Хуаншань. Наружности однако он был благородной, но в душе был ранимым и по натуре сентиментальным. Цин Ни понимала, что из таких людей обычно ничего путного не выходит. В университете он особо ничем не выделялся, нельзя сказать, что совсем ничего не делал, но особо и не перенапрягался. Его нежное отношение к Цин Ни было заметно всем. Ради любви он был готов идти на любые жертвы.

Однажды во время вечернего собрания Цин Ни почувствовала боль внизу живота, свойственную девушкам юных лет. Мама говорила, что у всех девочек с Хуанхэ такая болезнь. Цин Ни старалась не показывать свою боль, но не вытерпев, она вышла из класса. Тин Юн всё это время внимательно на неё смотрел. Вернувшись, она увидела, что подушку на её стуле кто-то заменил. После окончания собрания Тин Юн подошёл и отдал ей подушку, которая была в каплях крови. Ей было очень неловко.

После этого случая между ней и Тин Юном возникли взаимоотношения, когда оба понимают друг друга без слов. Он заботился, а она позволяла это делать и радовалась этому. Был как-то случай, у Цин Ни сломалась спица на велосипеде, а денег на новую не было. На следующий день Тин Юн принёс ей ключи от нового велосипеда, который якобы купил на свои деньги. Но всё тайное становится явным, и вскоре выяснилось, что этот велосипед он просто-напросто украл. Он и его товарищи были разоблачены местными активистами. Впоследствии их отчислили из университета. На прощание он подарил Цин Ни такую же книгу, что была в руках учительницы, под названием «Конец света».

Цин Ни успевала не только хорошо учиться, но и дружить с парнями: один окружал её заботой в университете, а второй жил в центре, она искусно вертела ими так, что каждый не знал о существовании другого.

Напряжённый, но романтический период студенчества окончился. Каждого из сорока шести студентов ожидал свой путь.

Во время банкетного вечера один из парней, не обращая внимания на учителей, запрыгнул на стол и крикнул:

– Ребята! Скоро ведь конец света, катастрофа, мы все умрём, так чего нам париться? Живите и наслаждайтесь!!

Послышались одобрительные возгласы.

На следующий день позвонил Лью Цзюнь и радостно выпалил, что он рассказал родителям о своих чувствах к Цин Ни, и они ждут её на встречу и даже готовы выделить им комнату для совместного проживания. Она согласилась на встречу, но в голове не было и мысли о том, чтобы в скором времени стать их невесткой. В её сердце теплилась надежда о лучшем будущем, а мещанские радости – вовсе не то, чего она хотела.

Дав согласие идти в гости к родителям Лью Цзюня, она прежде всего хотела узнать, как относятся столичные жители к провинциальным людям, как она.

Она шла дорогой около пруда, которую знала от и до, ей было интересно, сколько солнечных дней с Лью Цзюнем они провели вблизи этого места.

На этой улице располагался один ресторанчик, в котором готовили хого. Лью Цзюнь говорил, что заметил в нём нескольких алкашей, которые каждый день ровно в обед приходят в это место, и они решили понаблюдать. Цин Ни и Лью Цзюнь пришли без десяти двенадцать. Они сели за маленький столик возле окна, заказали домашнюю лапшу и стали ждать. Только часы над барной стойкой пробили двенадцать, у входа появился человек и прокричал:

– Закуску на наш стол.

Дверь открылась, и вошли трое мужчин в возрасте за пятьдесят, они были одеты в синюю форму хунвейбинов времён Культурной революции, и у каждого в руках была бутылка эрготюу (китайская водка 60–70 градусов). Они сели за первый столик около барной стойки, подвинули к себе закуску и начали пить и вести беседу как завсегдатаи этого местечка.

Лью Цзюнь был чутким парнем, делал всё, чтобы Цин Ни не грустила.

Однажды они вышли с Цин Ни из супермаркета, когда чёрные тучи по всему небу уже превратились в проливной дождь, такой дождь даже в июне не часто увидишь. От дождя повеяло прохладой, и уже через несколько минут стало холодно. Тогда Лью Цзюнь снял майку и брюки и отдал Цин Ни, оставшись только в красных трусах. Они побежали в супермаркет, и Лью Цзюнь случайно натолкнулся на стеклянную дверь входа. Эта ситуация вызвала у людей, прятавшихся от дождя в стенах магазина, смех. А девушки вокруг даже цокали от восхищения.

Был ещё один случай. Как-то в марте, гуляя по Летнему императорскому дворцу в достаточно прохладную погоду, Цин Ни шла по каменной дорожке вдоль озера с зонтиком, который ей подарил Лью Цзюнь. Обычно в выходные в летнем дворце много народу. Сегодня тоже было много посетителей, несмотря на будний день. Такие зонтики обычно продаются по семь-восемь юаней, а Лью Цзюнь, радостный олух, купил больше чем за двадцать. Утром он позвал Цин Ни на прогулку, она долго отнекивалась, потому что в тот день Тин Юн тоже пригласил её сначала покушать, а потом по магазинам. Тин Юн терпеть не мог прогулки по магазинам, но ради Цин Ни был готов даже на это. В итоге Цин Ни отказалась от приглашения Тин Юна.

Зонт был что надо: белый с синими цветами и с тонкой кружевной каймой. Цин Ни оценила его по достоинству, и Лью Цзюнь был счастлив. Мелкий торговец в лавчонке продавал самолётик на батарейках с пропеллером, самолётик этот мог высоко подниматься над головами людей, в то время такая игрушка была редкостью. Лью Цзюнь подумал, что Цин Ни хочет такой самолёт и пошёл узнать цену, оказалось, тридцать юаней, не дёшево. В тот день он прихватил из дома только тридцать юаней: двадцать потратил на зонт, восемь – на вход во дворец, в кармане оставалось всего два юаня на автобус.

Цин Ни была человеком прагматичным, её практически не привлекали такие игрушки, она даже злилась на него за то, что у них такие разные вкусы. Но он этого не подозревал, как и не подозревал то, что оба они находятся на разных прямых, которые никогда не пересекутся.

А у него в тот день будто сердце горело, да ещё и денег не было в кармане. Продавец снова завёл самолёт, он, и правда, был сделан качественно. Как воздушный змей, моментально поднялся над головами людей.

К тому времени, как Цин Ни поняла, что надо отойти, уже было поздно. Самолётик столкнулся с её зонтом, она выпустила зонт, подул ветер, и он улетел напрямик в озеро. В этот момент продавец, посмеиваясь, снова запустил самолёт. Лью Цзюнь в этот момент был так зол, что у него нет денег на самолёт, что повернулся к темнокожему продавцу, сжав кулаки. Но продавец не обращал на него никакого внимания. Тогда он взглянул на Цин Ни, и его сердце будто полоснуло ножом. Он хорошо понимал, сколько завтраков стоил этот зонт. Он был очень стыдливым ребенком: когда говорил – всегда краснел. Посмотрев ещё раз на Цин Ни, на продавца, на зонт, который плыл по озеру, он неожиданно прыгнул туда. Он хорошо плавал, почти как все пекинские парни. Но он забыл проверить одну вещь – глубину. А в озере была глина, и его начало засасывать. Он даже начал терять надежду, но потом ухватился за камень и смог таки высунуть голову наверх.

Цин Ни смотрела издаലെка, недоумевающая. Лицо Лью Цзюня невозможно было разглядеть – оно всё было измазано глиной. Стоявшие на берегу хохотали, некоторые даже упали на траву от смеха. Лью Цзюнь тем временем плыл очень медленно, даже начал коченеть.

Если бы у Лью Цзюня была другая девушка, она тут же бы растрогалась его поступком и упала бы ему в объятия. Но Цин Ни смотрела на него другими глазами: она увидела в таком поступке трусость. Вот если бы вместо того, чтобы прыгнуть в озеро, он пошёл к продавцу и заставил его компенсировать ущерб, это было бы правильным действием.

В этот момент она окончательно осознала: ей не нужен маленький мальчик, слепо любящий её, даже несмотря на то, что у него есть пекинская прописка. У неё есть более высокие цели, нежели те, что обычно присутствуют у провинциальных девиц, у которых одна цель – выскочить замуж за столичного парня. Она думала о лучшем будущем, известности и богатстве. В процессе изучения права она поняла, что к рыночной экономике можно прийти путём исправления законодательства. Она чётко знала, что Китай пойдёт по стопам всего мира, у него будут такие же ценности, общество станет более благосостоятельным. Нужно только разбогатеть, и тогда ты сможешь стать хозяином своего счастья.

Лью Цзюнь же мечтал о полноценной семье с детьми и работе, чтобы хватало на жизнь, водить и забирать детей из садика. Разве такая жизнь есть только в Пекине, а скажем, близ Хуанхэ всё по-другому?

Традиционные китайские взгляды на семью её раздражали: превосходство мужчины над женщиной. Эти устои ей были чужды: требования общества, что женщина обязана быть добродетельной супругой и ласковой матерью. «Если всё погрязнет в патриархате, то какие у меня перспективы?» – думала она.

Она скромно считала себя симпатичной, но не красавицей, и уж тем более не королевой красоты. Иначе говоря, она презирала тех красавиц, которые жили за счёт мужчин, пользуясь своей красотой. В её университете было несколько провинциальных девиц, которые приехали в Пекин именно с этой целью. Например, Ван Фан. Она была красива, как актриса, каждый день она выходила погулять, чтобы завести новые знакомства с местными парнями. В конце концов она и впрямь нашла себе одного паренька. Паренёк этот был невысокого роста, хорошенький, одетый всегда по моде. Он относил себя к сычуань-тибетской национальности. Его отец, относившийся к министерским кадрам, после похода на север для отпора японским захватчикам с красной армией там и осел. Ван Фан каждый день в университете рисовалась перед этим пареньком.

Цин Ни презирала таких людей, которые вечно ходят парочкой. Её раздражала золотая молодёжь, которая только и делала, что пользовалась состоянием родителей. Ещё её дико бесило то, что они всегда чавкали жевательной резинкой. Это были звуки болотной трясины.

Цин Ни понимала, что её жизненная цель куда выше. Она знала, чего ей это может стоить, но не боялась, потому что в детстве извлекла много уроков от учительницы Ли, которая и подтолкнула её к поступлению в университет.

Учительница Ли была интеллигентным человеком и думала как о простом народе, так и о том, что «золотая молодёжь» только пользуется привилегиями и радуется неравенству общества.

В этот момент Цин Ни решила для себя, что должна подняться по социальной лестнице на самый верх общества и ни в коем случае не скатиться в самый низ. Для того чтобы подняться наверх, нужно было принимать активное участие во всяких университетских мероприятиях, в общественной деятельности.

В возрасте двадцати лет Цин Ни поняла вред высокой нравственности. Играя высоко-нравственного человека, можно оторваться от реальности и вступить в яму мизантропии и ненависти к остальным. В этом мире, безусловно, есть достаточно серого, просто не нужно акцентировать на этом своё внимание. Но очень сложно не заиграться в высоконравственность и не пойти по пути пустой траты времени.

У неё была мечта остаться в Пекине, но вот Лью Цзюнь, она знала, не был способен на свершение каких-либо дел, в то же время невестки в их семье автоматически приравнивались к домохозяйкам. Между Пекином и провинциальными городами была огромная пропасть, и, несмотря на то, что спустя более двадцати лет и Пекин, и провинциальные города претерпели изменения, кажется, эта пропасть между ними выросла ещё больше.

Пейзажи Хуанхэ ничуть не уступали столичным, зимой замёрзший лёд на реке слепил глаза. В тот год зимой на реке вырубил прорубь и из неё всплывали многие вещи... там даже были красные ботиночки грудного ребёнка. Одно из самых жестоких её воспоминаний.

Весной Хуанхэ полностью освобождалась от оков льда, оставшиеся на реке кусочки льда выглядели, как игрушки. И хотя ива к тому времени ещё не распускалась, всё равно ощущалась весенняя зелень. В реке водилось много карпа и другой рыбы.

Что же, помимо этого, можно назвать тоской?

Цин Ни впервые вела судебное дело от своего имени, это было перед сдачей экзамена на подтверждение статуса адвоката. Каждый год в середине апреля-мая во время проверки судебный административный орган изымал лицензии у всех юристов. На самом деле эта лицензия практически не нужна. Только в том случае, если юрист идёт к подозреваемому, охранники в изоляторе чётко контролируют и сверяют.

Главный контролёр обычно не вписывает имя каждого юриста в рекомендательное письмо, в бланке есть пропуск, где можно написать: «Юрист ХХ, затем ФИО». Когда Цин Ни вписывала себя, у неё колотилось сердце.

В этом деле по изнасилованию подозреваемым был спортсмен, во время разбирательства он находился в изоляторе при полицейском участке, там следили не так жёстко, как в городском изоляторе.

Вокруг главного суда было очерчена белая линия, которая с годами исшаркалась подошвами людей. Цин Ни и юрист Джан, старенький уважаемый юрист в очках, прождали около линии полдня, но никто не обратил на них внимания. Цин Ни вопросительно посмотрела во все стороны, а затем спросила:

– Есть тут кто?

Джан тоже закричал во всё горло.

Из верхнего окна высунулась темнолицая фигура в фуражке. Спустя десять минут они зашли в изолятор, внутри всё было по-простому, устаревшее, на стенах висело несколько фото-

графий, судя по всему, памятные снимки работников изолятора. На вахте сидел старичок лет восьмидесяти. «Где ещё есть старики в таком возрасте и не на пенсии?» – подумала она. Старик протянул руку за рекомендательными письмами. Он отодвинул письма на расстояние, с которого мог увидеть, и тарасился в них минут пять.

– Вам, кажется, нужны очки для дальновзоркости? – спросил Джан.

– А ты дашь мне на них денег? – взглянул на него старик. Он открыл реестр и стал искать нужного подозреваемого.

Комната для встреч находилась метрах в десяти. Эти комнаты отличались от других: во-первых, были меньше, во-вторых, оснащение было хуже прежнего. Вскоре из коридора послышался звук брэнчания кандалов. Невысокий надсмотрщик привёл высоченного (под два метра) подозреваемого. Цин Ни с любопытством смотрела на него, однако не боялась. Её удивляло и то, что этот вид преступления до сих пор присутствовал в современном обществе. Кроме того, в теории криминальной психологии говорилось, что насильник обычно человек с психическими отклонениями и акт изнасилования – не просто результат вожделения. Поэтому неважно, насколько открыто и свободно общество, всегда будут такие преступники.

Преступника звали Тэму Тсиле, лучший спортсмен свободного спарринга, девятнадцать лет, на лицо ещё ребёнок. Он выглядел робким и стеснительным. Поскольку он был большим и сильным, наручники и кандалы тоже были особыми. Он сидел, наклонив голову вниз и опустив глаза на руки, будто был учеником, которому читали нотацию.

Адвокат Джан достал из портфеля кипу бумаг и приготовился к записи протокола. Подозреваемый говорил на китайском беспорядочно, к тому же он не понимал, чем полицейские отличаются от адвокатов. Цин Ни впервые вела дело и, увидев средства усмирения, в какой-то мере посочувствовала подозреваемому.

– Тэму Тсиле, у вас слишком длинное имя, мы будем называть вас просто Тэму, хорошо? – спросил Джан, хотя между собой они его уже так называли.

– Угу.

– Тэму, вы понимаете, что являетесь главным подозреваемым в преступлении?

– Э-э-э... я не понимаю.

– Иными словами, вы понимаете, каким образом нарушили закон?

– Знаю, я дрался и бил людей.

– Били людей? А если не только это?

– Ну, я бил людей.

Джан посмотрел на Цин Ни.

– Тэму, вы были с той женщиной... как её зовут-то там? – Джан перевернул странички протокола... – а, точно, Ван Мэй. Она пила с вами в тот вечер?

– Да, чуть-чуть, – он стал ещё более стеснительным.

– Тэму, мы ваши защитники, ваша семья попросила нас выступать за вас в суде, мы играем на одной стороне, вы это понимаете? Мы не полицейские, которые арестовали и задержали вас и выдвинули иск. Их задача – обвинить вас в преступлении, а мы – адвокаты, наше дело – опровергнуть и найти доказательства. Понятно? А сейчас вы подробно расскажете, что вы делали втроём.

– В тот день после обеда... я, Пабу и Джан ХэПин пошли в гости к старшему брату Пабу, чтобы выпить. Джан ХэПин тоже из нашей команды.

– Сколько вы выпили? Со сколько начали пить?

– Ну, в тот день тренер отменил тренировку, получается, что часов с одиннадцати дня и где-то до четырёх, а потом Джан ХэПин сказал, что нужно найти «курочку» и пошёл.

– А почему он пошёл, а не вы?

– Джан ХэПин говорит, что у нас с Пабу китайский так себе, да и на внешность мы... – он посмотрел на Цин Ни. – Стрёмные, поэтому он и пошёл.

- Тэму, что значит «курочка»?
- Ну, «курочка» – это распутная женщина, – ответил он.
- И нашли вы эту самую «курочку»? – поинтересовался Джан.
- Да. Ту самую, по фамилии Ван, – он опустил голову.
- Что с шеей?
- Да, на вашей шее красный след, что это? – спросила Цин Ни.
- Э-эм... просто капитан команды не разрешает говорить.

Цин Ни вспомнила этого худого, темнолицего человека сорока с лишним лет – капитана команды. В тот день Джан отправил её в уголовный отдел на встречу с подозреваемыми. Всё утро она не могла найти свой велосипед, в итоге нашла около какого-то жилого дома.

Уголовный отдел располагался в жилом доме и занимал несколько арендованных комнат, на двери даже не было таблички. В полиции работали только мужчины, все они были старше тридцати пяти лет, с лысыми блестящими головами. Завидев постороннего, свирепо смотрели. Цин Ни была всегда в себе уверена, у неё была удивительная способность определять по взгляду и жестам всё, что думает собеседник. Когда на улице Ванфуцзин Лью Цзюнь или Тин Юн гуляли с ней, их всегда удивляло количество обернувшихся на неё парней.

Особенно это касалось Лью Цзюня. Он был коренным пекинцем и чувствовал в этом своё превосходство. Но когда по Ванфуцзиню он гулял с провинциальной девчонкой, большинство парней, завидев статную высокую Цин Ни с почти идеальными параметрами и прелестным личиком, а также её уверенность и сверкающие глаза, оборачивались в её сторону.

Увидев семь-восемь бритых голов, Цин Ни выпрямила грудь и решительно вошла в кабинет. В комнате был всего один стол и две двухъярусные кровати, на которых лежали четыре человека. Завидев Цин Ни, они присели. Один из них, детина высокого роста, спрыгнул с кровати и подставил ей стул.

- Здравствуйте, кто из вас тут самый главный?
- спросила она, мило улыбаясь во весь рот.
- Ты, наверное, к командиру Чхэну, но он вышел, а ты?
- Я – адвокат, вернее, я направлена адвокатским агентством, чтобы оформить кое-какие формальности.

Услышав это, все, кроме разговаривавшего с ней, снова прилегли.

- А ты знаешь командира Чхэна? – спросил он мягко.
- Нет, а кто это?
- Не знаешь? Ну, он у нас тут самый главный, начальник, сейчас вышел по делам.
- А почему командир? Почему вы его так называете? Насколько я знаю, при полицейском участке нет такой должности.

– Да, он просто раньше в войсках состоял и там его называли «командир батальона»... А ты чего стоишь? Вот садись.

– Нам нужно увидеть одного подозреваемого, его зовут Тэму, Тэму Тсиле. Согласно шестой части уголовно-процессуального кодекса он сейчас находится под следствием, я пришла оформить все необходимые формальности, чтобы потом нам назначили встречу.

- Не выйдет, мы же сказали, командир Чхэн не здесь, – послышалось с верхней полки.
- Я поняла, но для этого и заместитель командира тоже подойдёт, – мягко ответила она. Она знала, что им лучше не указывать. Высокий окликнул низкорослого мужчину, тот только заворчал.

Она ходила туда раз пять – 6 и никогда не видела этого командира.

Адвокат Джан уже начал было сомневаться в способностях Цин Ни, но, сопроводив её два раза, не увидел на месте командира. В последний раз, недели две назад, когда она туда заявила, она обнаружила листок с номерами телефонов всех этих бритоголовых, один из номеров был номером командира. Она набрала номер, поначалу не брали трубку, потом взяла

какая-то женщина с южанским акцентом, она представилась и только тогда трубку взял мужчина. Она быстро изменила голос на кокетливый и договорилась встретиться с ним. На его вопрос «кто вы?» ответила: «Узнаете при встрече». Они договорились встретиться в кофейне в половине одиннадцатого.

Она специально принарядилась на встречу, надела короткую юбочку и майку на бретельках, накрасилась и, полная уверенности, села около окна.

Ровно в назначенное время зашли двое, один из них был тот рослый, который беседовал с ней. Они огляделись и подошли.

Один из них, лет сорока, темнокожий и худощавый, плюхнулся в кресло рядом с ней. Их взгляды пересеклись, и у неё внутри всё затряслось, она в миг почувствовала презрение к нему.

– Это вы меня искали? – У говорящего был шрам на переносице.

– Для начала я представляюсь: меня зовут Цин Ни Ван. А вы командир Чхэн?

– Ну, какой командир? Это пережитки прошлого. Меня зовут Чхэн ШуанЛао, – он улыбнулся, обнажив дёсны. – Давайте без посредников говорить напрямую.

– Я знаю его, – сказала Цин Ни, посмотрев на высокого.

– Ты знаешь его? – изумленно открыл рот командир.

– Да, в прошлый раз, когда я приходила, вас не было, вот мы и познакомились, правда, я не знаю, как по фамилии...

– А-а, это мой подчинённый. Эй, СяоБао, – окликнул он высокого, – подойди сюда.

Сяо Бяо взглянул на Цин Ни:

– Да вы сами поговорите, – и шагнул к выходу, улыбнувшись ей.

– Адвокат Ван, вы хотели увидеть того подозреваемого? – любезно спросил командир.

Он оформил все необходимые документы для встречи и лично довёз Цин Ни и адвоката Джана.

Цин Ни посмотрела на Тэму и спросила:

– Ты не хочешь говорить, потому что есть кто-то кто тебя бьёт? Этот командир, да?

– Никто не разрешает об этом говорить, меня несколько раз предупреждали.

– Ну, если мы узнаем, мы ведь никому не расскажем, – вмешался Джан.

– Да, этот командир... он бьет, – ответил Тэму.

– Он ведь такой маленький, а ты – крепкий мужик. Как это он смог тебя ударить? – поинтересовалась Цин Ни.

– Цин Ни, Тэму хоть и здоровяк, но он подозреваемый, как он может ответить ударом на удар? – обратился Джан к Цин Ни.

– Тэму, а как так получилось, что он ударил?

– Да неважно, ничего страшного, я ведь здоровяк.

Цин Ни изучала уголовный кодекс, там есть отдельное наказание за принуждение к показаниям посредством пыток.

– Господин Джан, но ведь принуждение к показаниям посредством пыток запрещено законом, если это и, правда, имело место быть, мы ведь можем сказать?

– А какие у нас доказательства? Кто скажет? Не надо, а то потом сами не оберёмся проблем, – ответил Джан.

– Я не скажу... я не скажу, – нервно повторял Тэму.

– Тэму, у вас с потерпевшей была сексуальная связь?

– Ван ХэПин привёл её, это вроде как её работа – заниматься подобным... Она – курочка... Ван ХэПин говорил, что конец света скоро, пользуйся моментом.

– А откуда ты знал, что она проститутка? Вы были знакомы до этого?

– Я нет, а вот Ван ХэПин знал.

– Ну, ты подробно опиши, как всё было.

– Ван ХэПин привел её в дом старшего брата Пабу, мы взяли связку пива, ну которая по двадцать четыре бутылки, а ещё сготовили мясо и начали пить.

– Потерпевшая пила вместе с вами? – перебил его Джан.

– Пила, и немало.

– О чём вы говорили, когда пили?

– Э-э... – Тэму взглянул на Цин Ни.

– Ничего страшного, говори, – сказал Джан.

– Ну, у нас были всякие шутки про секс поначалу, а потом вообще перешли на тему денег.

– Каких денег?

– Ну, просто денег... денег, которые нужно была заплатить этой... женщине.

– То есть вы поначалу договорились насчёт цены?

– Да, а после этого мы вместе втроём заплатили ей сто пятьдесят юаней.

– А как отреагировала потерпевшая? Она согласилась на это дело и на сумму денег? – покраснела Цин Ни.

– Да, согласилась. И цену она сама назначила, мы сначала хотели заплатить каждый по тридцать, итого отдали бы сто, а она увеличила цену до ста пятидесяти.

– Кто из вас троих был первый?

– Ван ХэПин, так как он её знал до этого, потом... потом был Пабу, а затем... затем я. – Тэму сильно вспотел, когда говорил об этом.

– Она была согласна на вашу сексуальную связь? Ты понимаешь, о чём я? Говори, мы слушаем, – сказал Джан.

– Я был третьим... но она всё время была согласна, она желала...

– Продолжай, опиши весь процесс.

– Мы напились и уснули, когда стемнело, мы проснулись и начали готовить еду, вернее, потерпевшая готовила, она жарила лапшу.

– После того, как вы поели, что вы делали?

– После этого мы снова пили, примерно до десяти с лишним вечера.

– Откуда вы знали, что сейчас за десять вечера?

– Потому что она сказала, что уже за десять и ей нужно возвращаться к сестре домой, если задержится, то не сможет вернуться. А я предложил ещё разок, но она сказала, что нет времени.

– Ещё разок, что?

– Э-эм... (Тэму сильно покраснел) ещё разок переспать.

– А потом что?

– А потом она сказала, что нет времени, что она хочет и завтра прийти. Я не отпускал её, она кричала на меня, и я её ударил.

– Как ты ударил? – спросила Цин Ни.

– Я вlepил ей две пощечины.

– Ты же такой здоровяк, как ты можешь поднять руку на девушку? – Цин Ни еле сдерживала гнев.

– Я знаю... я не должен был.

Тэму заплакал, как маленький ребенок.

– Тэму, не надо плакать, зачем? Да ведь и поздно слёзы лить. Ты лучше продолжай рассказ, что было потом?

– Потом она сказала, что останется, но она хочет кушать. Я дал ей пятьдесят юаней и сказал, что нужно купить. Она ушла и пришла с полицейским.

– А вы заплатили ей те сто пятьдесят юаней, о которых договаривались?

– Нет.

– Почему?

– Ну, она сказала, что не уйдёт, не было необходимости торопиться с деньгами, а когда пришёл полицейский, нас забрали.

Цин Ни думала, что у адвокатов очень хорошие перспективы. Например, приговор по факту изнасилования, которого, возможно, не было, может изменить судьбы трёх людей.

Юрист Джан, прихватив свой портфель, широким шагом шёл по тротуару. Он взглянул на Цин Ни, понял её состояние и спросил:

– Эй, ты разве первый раз в изоляторе? Если ты хочешь, как все юристы кормиться законом, нужно быть более терпеливой. Конечно, эта профессия сложна! Несколько дней назад, когда комитет юстиции начал собрание, я так удивился: нужно и лицензию иметь, а ещё и на стену свою фотографию поместить. Даже появилась одна шутка: «Юристов – на стену, судей – в постель». Поняла, о чём речь? Просто разъясняет различие двух профессий.

Цин Ни взглянула на Джана и подумала, что в его словах заложен какой-то не очень хороший смысл. Он почти такого же возраста, как её отец, как он может обсуждать такие вопросы? Хотя среди молодёжи, между парнями и девушками, все темы стали публичными, но обсуждать с пожилым юристом в очёчках «постельные» дела как-то неуместно.

– Господин Джан, а как вы думаете, юрист-женщина лучше или юрист-мужчина?

– Ты про «выживаемость»?

– Ага.

– Мне кажется, женщинам проще добиться успеха. В этом обществе главное слово принадлежит мужчине, женщине нужно найти себе мужчину и всё, это не так уж сложно.

– А почему Вы выбрали эту профессию?

– А-а... да я переквалифицировался. В прошлом я был административным работником, а в университете вообще изучал китайский язык и литературу. Потом понял, что мне всё это неинтересно и пошёл на заочные курсы по юриспруденции. Потом со второго раза сдал экзамен. А стал работать – и потерял интерес к административным делам. Но тогда там всё было жёстко: если нет прогресса – голову с плеч.

– После того, как вы обучились на юриста, вы почувствовали какое-то превосходство?

– Поначалу всё было в новинку, а потом понял, что это тяжёлый труд. Ты – выпускница престижного университета, безусловно, ты сильна в теории, но теория и практика, как правило, сильно отличаются.

Сев в такси, Цин Ни дала волю эмоциям. В тот раз, когда впервые сказала «я – адвокат» эти два слова, а ещё этот... «командир» как только увидел меня, глаза загорелись, и хотя это было только начало, она уже чувствовала некую гордость. Она впервые почувствовала в себе скрытый потенциал.

Приехав завоёвывать Пекин, она не чувствовала в себе никакой уверенности. Вернуться в свой городок? Крутиться как белка в колесе и стать каким-нибудь муниципальным служащим? У неё вызывали недоумение люди, которые вернулись из Пекина обратно. Всего лишь одна улочка, вечно занятая скотом, это как упасть с неба после Пекина.

Китай такой большой. Цин Ни считала это недостатком. Закончив университет, она хотела перебраться в городок А искать работу, новые места и новые люди, в партийные органы ни желания, ни возможности попасть не было. Она хотела добиться славы и успеха именно в судебных кругах, поскольку учась на адвоката, нет никакой другой дороги, кроме этой.

Отец её надеялся, что она вернётся в уезд благодаря его работе и связям, сможет получить себе местечко в правительстве. Отец был недоволен тем, что она одна, незамужняя далеко, а ещё два младших брата нуждались в её заботе. Лелеять сыновей и пренебрегать дочерями-то то, что не менялось с течением времени.

Кроме того, родственников у семьи Ван было много, но не было ни одного, на кого можно было бы положиться в полной мере. Отец был знаком с китайским национальным характером:

если у семьи нет защиты, то по ней легко можно ударить. Если кто-то из семьи – чиновник в правительстве, то и у соседей сразу же совершенно другое отношение.

Цин Ни хоть и любила родителей, но не могла ради них бросить свои мечты, поэтому она твёрдо решила прибыть в город А. Она планировала сначала приехать, подработать, освоиться и уже потом сдать экзамен на получение юридической лицензии. Она не боялась никаких экзаменов, учёба была её сильной стороной.

Сходив впервые в следственный изолятор, она стала ещё более уверенной, и если бы не общение с командиром, то даже спустя месяц опытный адвокат Джан так бы и не добился встречи с подозреваемым. Адвокат Джан был заурядным человеком, который работал, чтобы только заработать, как говорится «лишь бы отделаться», без всякого там интереса.

Что касается этого судебного дела, она считала приговор необоснованным, они втроём вызвали проститутку, единственное, конечно, в итоге не заплатили ей и всё. Самое главное, чтобы половой акт был не против воли женщины, остальное уже не считается насилием.

Джан в этом смысле не имел полных знаний.

В своём первом процессе она поняла, что эта профессия не только важна, но чуть ли не божественна. Профессия, которая спасает людей в беде. Четыре года учёбы изменили её представление о подсудимом, как о демоне, это предубеждение. Презумпция невиновности в её голове дала росток.

Она думала, что обязана спасти этого спортсмена. Что у тех, кто ведёт это дело, неверные представления о случившемся, либо, руководствуясь принципом защиты слабых, они ошибочно используют закон. Она собиралась донести все свои знания до суда.

Вчера ей позвонил Лью Цзюнь, слёзно умолял вернуться в Пекин. Какая-то его дальняя тётка работает заместителем начальника в комитете и согласилась помочь Цин Ни с работой.

Цин Ни не понимала этого чувства гордости мелких пекинских мешан.

Наверняка там, куда ей предложил устроиться Лью Цзюнь работают одни дискриминаторы и сплетницы. Хоть она и приехала из глубинки, но четыре года учёбы в университете сделали её амбициозным и благородным человеком.

Она должна развиваться здесь, в городе А, и быть адвокатом.

В этой адвокатской конторе помимо неё практику проходили ещё человек двадцать, но большинству было за сорок пять лет, и это преимущественно были мужчины. Она с детства уделяла много внимания отношениям с окружающими. Но поскольку она была красива, отношения с большинством девчонок у неё никогда не ладились.

Площадь этого служебного помещения была большой, но условия так себе. Главным тут был толстяк – коротышка лет пятидесяти с физиономией, смахивающей на чашку. Его лицо было круглее круглого, а волосы были только на правой стороне и видно было, как он изо всех сил старался зачесать их на левую. Раньше он был заместителем начальника управления юстиции какого-то там уезда, все адвокаты в конторе его побаивались.

Целыми днями с утра до вечера председатель восседал на стуле с высокой спинкой и с улыбкой рассказывал себе всякие любовные романчики. Основываясь на его историях, которые он рассказывал себе самому, все женщины-адвокаты, включая тех, которые ещё не получили это звание, имели с ним связь. В конце он довыдумывался до того, что боролся за этих девушек со всякими там председателями городского комитета и в конце концов наставлял им рога. (А кто такие эти председатели? Управленцы в казённом учреждении, на этот раз председатель городского комитета разозлился и издал приказ проверить министерство юстиции и начальника Вана. У него обнаружилось много зацепок, какие-то там покрытия доходов и прочее. В итоге проверка показала, что он фальсифицировал своё обучение и, значит, незаконно владеет статусом адвоката, который нужно аннулировать.)

Он развалился на стуле и рассказывал себе, как бы он поступил, чтоб в итоге это решение было отозвано.

Цин Ни считала его самовлюблённым, его глаза смотрели искоса, а его слова всегда были полны слащавых намёков, и каждый раз ей приходилось притворяться, что она не понимает о чём речь.

Прошло несколько дней, и дело Тэму нужно было передать в суд, но сами документы по делу застопорились в полиции.

У адвоката Джана был уставший вид. Цин Ни знала, что хоть Джан и в почтенном возрасте, но не прочь выпить, причём в немалом количестве.

– Цин Ни, не могли бы вы сходить в полицию, чтобы узнать, передали они документы или нет, что-то больно много времени уже прошло.

– Господин Джан, время установлено прокуратурой, к чему нам торопиться?

На самом деле она не хотела видеть того командира Чхэна. Он за всё это время несколько раз приглашал её вместе сходить покушать, но она ходила только разок. Это был раз, когда к ним присоединились старые друзья Чхэна. Она пила алкоголь и уговаривали ее. И хотя отец её спокойно мог выпить пол-литра водки, она знала, что в традиционной культуре Китая пьющая женщина – плохо и поэтому отказала. В течение двух часов она сидела с ними и делала по глоточку, затем не заметила, как пригубила стакан.

Она сидела и думала, что свет здесь довольно мрачный. А ещё она хотела снять пальто, алкоголь разгорячил её.

Она вдруг вспомнила Тин Юна. Он окружал её заботой более двух лет учёбы в университете. Невысокий, неказистый, хотя он отличался эрудицией и, казалось, жил только книгами. У него не было будущего, если только стать профессором в университете или что-то вроде того.

Она вдруг выпалила:

– Завтра начало слушаний в восемь, пожалуй, нам хватит пить и нужно ещё раз обдумать и посмотреть дело.

Услышав её слова, все за столом обменялись растерянными взглядами. Она поняла по их лицам, что их связывает какая-то договорённость, похоже, помочь командиру Чхэну влюбить её в себя. Хотя какая разница, он женатый мужчина. Цин Ни, не взирая на общие уговоры, настояла на том, что ей пора идти. Командир Чхэн предложил «подбросить» её, она, взглянув на его раскрасневшееся лицо, сказала:

– Вы прилично выпили, разве можно водить машину в таком состоянии?

– Да ничего страшного, во-первых, мы же полицейские должностные лица, а во-вторых, у меня друзей полно.

Договорив, они сели в его бело-голубую машину. Она сидела рядом и слышала его сильное сердцебиение.

Командир Чхэн вёл машину в помутнённом состоянии. Цин Ни снимала квартиру вместе с двумя девчонками-студентками, прямо в том жилом микрорайоне, что виделся впереди. Но она не хотела, чтоб кто-то из соседей его увидел не только потому, что он был гораздо старше, но ещё и потому, что он её вообще никак не интересовал. Чхэн крутил руль и, возбуждённо глядя на Цин Ни, рассказывал о том, какая у него несчастная семья. Он рассказал, что у них с женой брак по договоренности, родители настояли, нет друг к другу никаких чувств, а расстаться не могут, ребёнку всего тринадцать лет. В процессе разговора он положил свою руку на руку Цин Ни, она полминуты потерпела, но потом легонько вытащила её. Они въехали на территорию жилых домов, и дверь автоматически открылась, однако Цин Ни быстро выпрыгнула из машины, изящно помахала рукой и направилась к своему дому.

– У тебя нет времени? – спросил её Джан.

– Не-а, я уже связывалась с командиром Чхэном.

Она хоть и была практиканткой и понимала, что должна следовать указаниям Джана, но, с другой стороны, знала, что нет необходимости идти в полицейский участок подгонять их, у

них есть свои жёсткие правила, если полиция превысит срок, то у них уже будут неприятности с прокуратурой.

Цин Ни припарковала велосипед около входа. Коридор здания по-прежнему был захламлён. На проходных стояли четыре человека, увидев её, они выпрямились, будто увидели командира. Это заставило её слегка расслабиться, но в то же время она начала переживать. Один паренёк, одетый в чёрную униформу, державший в руках книгу «Конец света», кивнул ей и достал телефон, чтобы сделать звонок. Остальные три привстали, чтобы уступить ей место, налили чаю, вытерли стол и достали фрукты, будто она была важным гостем.

Каждый раз, сталкиваясь с трудностями, она смотрела на себя в зеркало, и уверенность тут же возвращалась к ней. Полиция никогда себя так не вела, а тут даже снискала уважение от неё, разве не потому, что их командир влюбился в неё? Пока она сидела и оглядывалась по сторонам, вошёл круглолицый полный человек, он был не похож на всех остальных, с каменным лицом, он взглянул на Цин Ни и что-то пробурчал остальным парням.

Спустя десять минут вернулся командир Чхэн.

Он pokrылся румянцем и с блеском в глазах сказал:

– О-о, это ты, ты пришла? Заходи, добро пожаловать. У тебя какое-то дело?

– Да, но ничего такого. Это насчёт Тэму, я хотела спросить, когда вы дополните материал и уже передадите его дальше?

– Ну, как ты скажешь, так и будет, – ответил он.

– Я решаю? – Цин Ни приятно удивилась, но в то же время она не хотела оставаться в долгу. – Командир Чхэн, раз вы не будете дополнять дело, значит, уже можно отправить его в прокуратуру?

– Да-а, а что там дополнять-то? Протокол ведь уже составлен.

– Эй, разве ты вчера не говорил, что нужно ещё несколько дней протянуть? – обратился один из них к командиру. – Командир Чхэн, несколько дней назад приходил командир Ли, требовал всё тщательно ещё раз проверить.

– Ой, да без разницы, я был командиром батальона, несколько сотен человек при мне, думаешь я жизни не видывал? – командир зло уставился на этого парня, а он бросил свирепый взгляд на Цин Ни и вышел из комнаты.

Командир Чхэн, дождавшись пока остальные покинут комнату, прошептал:

– Этот паренёк – заместитель командира, этот, твою мать, придурок несколько дней походил в полицейскую академию, зато нос задрал как не знаю что.

– Ван, мы хотя и не местные, но тоже не лишены связей, у меня товарищей и родственников в государственных органах полно, так что нам здесь некого бояться. – Посмотрел он на Цин Ни.

– Командир Чхэн, вы к тому же авторитетный человек, это тоже в какой-то мере заставляет всех их слушаться вас, – польстила ему Цин Ни.

– Да ну, они все мне как братья, мы с ребятами все честны друг перед другом, это тоже помогает раскрывать преступления, к тому же есть у нас тут следаки, если кто-то что-то натворил, все сразу в курсе.

– Ну а что, что насчёт этого дела?

– А-а, да там без проблем, не переживай.

Чхэн тут же отправил человека, чтобы он передал дело в прокуратуру.

После того, как дело было сделано, Чхэн пригласил Цин Ни покушать, она согласилась.

В районе, где работал Чхэн, находился четырёхзвёздочный отель «Дальний рейс», довольно известный в городе.

Чхэн был за рулем «Кадиллака», он подержал для Цин Ни дверь, когда они заходили в гостиницу. Девушка проводила их до лифта, ресторан был на четвёртом этаже. Их встретил хозяин, глава совета директоров.

Цин Ни была смекалистой, взглянув, она сразу поняла, что командир Чхэн заранее подготовил банкет. Но как и почему хозяин гостиницы и ресторана выказывает такое почтение командиру Чхэну? Хотя неважно, она пришла отдыхать.

Она обомлела. Огромный президентский номер, о котором она слышала, но никогда не видела, широченная кровать с атласными одеялами.

Она вспомнила, что было вчера. Они выпили больше десяти бутылок водки, Повиновение лучше вежливости, и она пила вместе со всеми, чокаясь с каждым. И хотя вино было не слишком крепким, она поразила всех своей способностью пить.

Она проснулась и обнаружила рядом с собой мужчину, подсознательно она не была удивлена этому. Она этого не хотела, поскольку не было любви, а если нет любви, то какой смысл. Командир хотел её поцеловать, но она прикрыла лицо, в её понимании целоваться – это большее проявление любви, нежели просто переспать. Цин Ни умылась, почистила зубы, и они спустились в кафе. Официант пронёс поднос с фруктами, и она поняла, что её тошнит и ничего она не хочет. Ей никогда не было так тягостно.

Она собралась дойти до туалетной комнаты умыться, но ей пришлось собрать все силы, чтобы не упасть от головокружения. Шатаясь, она добралась до туалета. Цин Ни стояла, ухватившись за каменную стену, в животе были рвотные позывы, хотя он был пуст, сердце бешено колотилось. Она чувствовала, будто готова умереть да уже и хотела этого.

Цин Ни представить себе не могла, что она может так напиться. Кое-как добралась до президентского номера, внутри был беспорядок, её тошнило от всего в комнате, даже её любимые гвоздики резали ей глаза. Она мечтала растерзать все эти вещи. Она подумала о Тин Юне, о Лью Цзюне и о том, бывшем, из её городка, почувствовала дикое угнетение и разрыдалась.

Вошёл Чхэн, увидев её плачущей, он перепугался:

– Что случилось, дорогая?

– Ты принудил меня...

– Я-я... я...

– Ты воспользовался тем, что я напилась, потеряла сознание и сделал это.

– Цин Ни, я люблю тебя, – он шлёпнулся перед ней на колени. – Это было не потому, что она обвинила его в насильственных действиях, а потому, что он действительно её любил.

– Поднимись с колен.

– Давай так, ты подождёшь несколько месяцев, я разведусь со своей женой и ты выйдешь за меня.

Она была тронута его поведением, но сказала:

– Я не об этом. Не нужно такого со мной делать, я вообще-то адвокат. – Она чуть засмушалась на это фразе, ведь на деле ещё не сдала экзамен. – Давай так, ты мне – старший брат, я тебе – сестра.

– Но я люблю тебя и хочу взять в жёны.

– Всё, ни слова больше. Мне надо идти. Первым делом нужно было купить в аптеке противозачаточные.

Тяжёлыми шагами она шла в адвокатскую контору, голова пухла, в груди была ноющая боль, будто что-то покалывало. Джан сидел там, читал книгу. Он смеясь сказал:

– Документы уже передали в прокуратуру, не нужно никуда идти, я только что связался с полицией.

Услышав это, она еле сдержала слезы:

– И ещё, наш председатель искал тебя, наверное, у него какое-то дело.

Она открыла дверь, председатель Ван, как обычно, развалился на стуле.

– Цин Ни Ван, ты последние несколько дней была сильно занята?

– Мы ведём дело с господином Джаном.

– Вы хорошо знакомы? – он вцепился своими пухлыми пальцами в поручни стула.

– До этого не были знакомы, но после того, как я попала в адвокатскую контору и увидела, что он хорошо работает, я захотела учиться у него.

– А, понятно. А ты много пьёшь алкоголя?

– Нет, иногда пью, но немного.

– А напивалась когда-нибудь?

– Никогда.

Его слова кольнули её снова, будто сочилась кровь. Она волновалась, потому что понимала, какое отношение обычно к пьющим девушкам. Ещё она поняла, что не надо было вообще признавать, что она выпивает. Несмотря на то, что она и председатель оба приехали из далёкого места, отличий между ними было много, он ей не нравился. Люди его возраста имели другие представления, резко отличающиеся от представлений молодёжи. А ещё такие люди говорили одно, а делали совершенно другое. Ещё председатель любил пошло шутить, особенно в адрес женщин. Сначала до войны он был крестьянином, потом, после демобилизации, стал работать в уездном управлении юстиций, затем основал свою контору.

Цин Ни хоть и была провинциалка, но не любила таких же провинциальных людей. Она поэтому и вырвалась из своей глуши, чтобы не видеть эту бедность и ограниченность людей. Если бы она хоть раз оценила их по достоинству, у неё не было бы причин уезжать. В её глазах председатель Ван имел грузные кости с Хуанхэ, не говорил на путунхуа, не окончил старшую школу, он сидел без дела, скинув обувь и болтал ногами, как обычный рядовой работник. Он просто напросто был пронырой по натуре, все знали его тёмные делишки, но сейчас такие люди пользуются популярностью в обществе.

Учителя говорили им, юрист – это продукт западной системы, демократического режима, юриспруденция существует только в обществе, в котором царит законодательство. Традиционный китайский юрист из истории и современный юрист не имеют ничего общего. В общем, она думала, что председатель Ван не идеальный человек и специалист, но он так или иначе соответствует этому обществу.

Цин Ни знала его скрытое намерение.

Она вышла из его кабинета и подошла к столику, стоявшему рядом. Фиалка, которая росла там, в горшке, засохла, видимо, никто её не поливал. Эту фиалку, подарок Лью Цзюня, она привезла из Пекина, чтобы поставить у себя в общежитии. Его нежная забота и вечно краснеющие щеки! Интересно, он до сих пор думает обо мне?

Она никогда ни о чём не сожалела, потому что все решения принимала, тщательно обдумав, без тени легкомыслия. Она порвала всякую связь и с Тин Юном, и с Лью Цзюнем, но телефон её звонил каждый день, она верила в телепатию, стоит только подумать об одном из них, и он тоже подумает в ответ. В университете стоило ей только подумать про Тин Юна, как он, несмотря на дождь, прибежал из своего мужского общежития к ней. В то же время она верила, что этот секрет нельзя никому раскрывать, иначе перестанет работать или, что ещё хуже, вызовет плохие последствия.

Как-то раз она хотела попросить Лью Цзюня вместе с ней поехать прогуляться на Бадалин (участок Великой китайской стены). Она подумала о нём несколько раз, и после обеда он пришёл к ней в общежитие. Горы вокруг произвели на неё неизгладимое впечатление, она чувствовала себя по-особенному, и настроение было приподнятым, она сказала об этом ему и в итоге, спускаясь с горы, подвернула ногу. Лодыжка посинела, только через два с лишним месяца окончательно поправилась.

Она стояла, окаменев, перед фиалкой и тут же зазвонил телефон, это был Лью Цзюнь. Она сказала ему пару слов, а потом, выйдя из конторы, позвонила из телефонной будки. Она больше всего остерегалась их с Тин Юном звонков, чтобы не возбудить все воспоминания прошлого, а особенно после того, что с ней случилось несколько дней назад. Но сейчас это всё – просто

воспоминания, время всё разрешило. Она услышала его убитый тоскующий голос, и слезы сами потекли по щекам, у неё самой на сердце был рубец от всех этих тёплых воспоминаний.

Если бы она с самого начала осела в большом городе, возможно, спустя время, она бы согласилась выйти замуж за Лью Цзюня. Хотя нет, она бы не смогла выйти замуж за человека, которого не любила и идеалы которого не совпадали с её. У неё были свои требования ко всему, что окружает; если бы их не было, она так и осталась бы в своём городишке.

В пять часов вечера Цин Ни позвонил председатель уездной конторы города А. Его звали председатель Хун. Он сообщил о приезде начальника Бая.

Начальник уезда Бай тоже был толстопузым, краснощёким, с короткими жирненькими непропорциональными руками. Местом его прописки был северо-восток Китая, его отец раньше тоже был начальником этого уезда. Теперь он продолжал дело отца, заняв его место.

Начальник Бай часто приезжал на встречи в город А, с тех пор как он познакомился с Цин Ни, всегда звал её на подобные мероприятия. В уездном городке все быстро узнали о её существовании. И хотя он был работником орготдела, даже его секретарь не часто его видел, оставалось только запугивать простых работников байками о нём. Цин Ни знала, что несмотря на то, что она общается с этими чиновниками, у неё самой нет никакой власти, и эти связи – самые ненадёжные. Она была красива, молода, никогда не отказывалась с ними выпить. Но если все эти преимущества утратить, то она вернётся в самое начало.

Она, глядя сквозь большой поток людей, вышла из такси.

На улице уже смеркалось, фонари города и неоновые лампы слились воедино. Чего тут только не было: сычуаньская кухня, маньчжурская кухня, кантонская и хунаньская, а также куча мелких магазинчиков. Больше всего бросался в глаза Макдональдс, и хотя люди знали, что есть картошку фри вредно для здоровья, народу всегда было набито битком. Во время учёбы в Пекине, что Лью Цзюнь, что Тин Юн всё время приглашали её поесть пиццу в Pizza Hut, Макдональдс всегда был полон.

Сегодня начальник уезда Бай снова заказал тот четырёхзвёздочный отель, он питал страсть к большим зданиям и каждый раз, приезжая по делам, жил и питался именно здесь.

Цин Ни не нравился Бай, она считала его хитрым и развратным, он будто был хамелеоном. Как-то раз Хун, прищурился глазами, сказал ей:

– Цин Ни, начальник Бай хоть и наш начальник, но человек он странный. Все в его семье принадлежат китайской национальности, однако, съездив в Монголию, стали причислять себя к ним, да ещё и говорят на монгольском чуть-чуть, – скрутив руки трубочкой говорил он ей. – Хотя, надо сказать, он тебя уважает, он мне это напрямую сказал как-то, когда мы пили, а ты знаешь, что пьяные люди – самые честные люди.

Она не любила и председателя Хуна, считала его подхалимом, однако признавала, что такие люди сейчас популярны в обществе и везде могут сбалансировать отношения. Он был выдвинут предыдущим начальником уезда Лао Ма, но они с начальником Бай были заклятыми врагами, ибо Бай сместил Ма. Но председатель Хун не падал духом, он купил вино и пошёл в гости к Баю, впоследствии снискав его доверие.

Для председателя Хуна самым сложным было открывать Всекитайское собрание народных представителей.

Те двое были депутатами ВСНП, они всегда прилетали на собрания, у Хуна от этого по спине тёк пот и тряслись руки, он улыбнулся одному из них, а тот лишь скривил рот. Хун быстро перевёл улыбку в кашель. Цин Ни стояла за председателем Хуном. Почувствовав на себе взгляды обоих начальников уезда, Цин Ни стало неловко. Потому что это были нежные взгляды, будто она была им невеста.

Оба начальника уезда сели в один «Кадиллак», вежливо стараясь уступить друг другу место, однако только сев, начали хамить друг другу.

Машина остановилась на парковке перед гранд-отелем. Вокруг были лишь дорогие машины, несколько охранников умело дирижировали процессом расстановки машин.

Ресторан располагался на втором этаже, перед ним был огромный зал, способный вместить несколько сотен человек. Официантки были одеты в сверкающие пёстрые монгольские платья. Места здесь нужно было заказывать, иначе просто не попадёшь.

Начальник Бай втянул свой живот и держался так, будто вокруг никого не было. За столом он всегда занимал место главного гостя, некоторые думали, что это подчёркивает его более высокое положение, некоторые считали, что таким образом выделяется тот, кто оплачивает.

Увидев её, Бай сказал:

– Цин Ни, садись вот сюда, рядом со мной.

– Дядюшка Бай, я сяду рядом с председателем Хуном.

– Эй, опять дядюшка? Называй лучше тогда братец Бай.

– Хорошо, как скажите, – Цин Ни смеясь села по левую руку от него.

После того, как произошёл тот случай с командиром Чхэном, она, перед тем как выпить, предупреждала себя не перебрать. Конечно, сейчас она с командиром по-прежнему поддерживает хорошие отношения, но не об этом речь.

Они сидели в отдельной vip-комнате, каждая деталь здесь была роскошной, особенно написанная маслом картина, висевшая за Баем. В её глазах Бай был деревенщиной, который не видел мир, несмотря на то положение, которое он занимал.

Столовые приборы были позолоченными. Говорят, в этом ресторане за позолоченные комплекты нужно оставлять залог. В остальных залах этого ресторана тоже золотисто-жёлтые приборы, но подделка. Бай думал, кого ещё из крупных гостей позвать, но так и не надумал. Председатель Хун сидел довольный с красной физиономией, Он всегда имел такой вид, когда приезжал начальник, главным было – не столкнуться с бывшим председателем Ма и вечер удался.

Сколько лет вообще Хун был председателем? За счёт чего он так улучшил свои условия: жил в престижном особняке, а его жена ездила на «Фольксвагене». Каким образом этому толстяку удалось попасть в Пекинскую аристократическую школу? Она ломала голову и поняла его секрет: он выписывал чеки на подобные встречи гостей. Чек был на пять тысяч юаней, а поели гости на пятьсот юаней, а значит, начальник Бай был его крышей и прикрывал. Бай шутил над Хуном, но не позволял это делать другим. Она думала, сколько же денег он получит за сегодняшний день.

Хун листал меню, и она обратила внимание на то, сколько же у него золота на пальцах, не менее тридцати граммов.

– Господин Хун, когда партийные кадры носят столько золота на пальцах, разве не бросается в глаза?

Он надавил на её руку, заставив сесть и сказал:

– Это подарок тестя, не имеет ничего общего с партией.

– Ваш тесть? Разве он не бывший кадровый работник на пенсии? С вот этой странной подписью?

– Это прозвище жены, – ответил он.

Начальник Бай, после того как сменил свою национальность, выучил чуть-чуть монгольский и знал, что это подпись означает «подсолнух». Его жена не злилась, когда её так называли, она просто не знала смысл и историю. Все подсмеивались над ней, а Цин Ни была рада, поскольку у них никогда не складывались отношения. Как только председатель Хун приближался к Цин Ни, она тут же корчила недовольное лицо.

Полседьмого пришли ещё два гостя: начальник управления департамента планирования Джань, а второй – заместитель министра госсовета Ли. Увидев их, Цин Ни поняла, что они пришли не по делу, а просто как хорошие друзья.

Затем подошёл секретарь парткома уезда Шао. Секретарь Шао любил себя показать, но его способ несколько отличался от общепринятых, он обычно рассказывал наизусть популярные стихи. Это был четвёртый раз, когда они пересеклись с Цин Ни.

Гость уселся за стол, и начальник Бай начал свою речь:

– Господа, сегодня мы здесь собрались без посторонних людей. Цин Ни, вы друг друга уже видели. Цин Ни – наша красавица и к тому же умница, выпускница Китайского университета политики и права. Секретарь Шао, вы ведь знакомы? Знакомы, ну, отлично. Нет никакой причины и темы обсуждения, кроме как выпивать и наслаждаться вечером. Я хочу с каждым чокнуться бокалом, и с этими словами он поднёс бокал к Цин Ни:

– За красивых дам!

Цин Ни снова вспомнила случай с командиром Чхэном, однако выпила свой бокал.

Следующим на очереди был министр госсовета Ли, человек маленького роста, на вид застенчивый, однако говорил он уверенно и размеренно. Он обратился к ней и сказал, что если она хочет вернуться домой и там работать, он всеми силами будет ей помогать и содействовать. Секретарь Шао снова вставил какой-то стих, и Цин Ни обнаруживал, что в прошлый раз репертуар был точь-в-точь. Дошёл черёд до Цин Ни, и она, не раздумывая, сказала, что заинтересована работой уездного представительства. Председатель Хун искоса взглянул на неё, по его спине катились капли пота. Секретарь-поэт заметил напряжённость ситуации и сказал:

– Вот и славно, тогда приходи в контору, займёшь какую-нибудь должность, а председатель Хун может вполне вернуться на предыдущее место работы и принести там много пользы, ах-ах.

– Секретарь Шао, я присматривал за вами и вашей семьёй много лет, у вас есть какие-то недовольства? Раз вы так стремитесь передать мои функции. Свою работу я всегда делал добросовестно. – Хун чуть ли не бил себя в грудь.

Цин Ни и подумать не могла, что одна её фраза вызовет такую бурную реакцию. Однако, благодаря этой ситуации, она убедилась, что председатель Хун, во-первых, не умеет себя культурно вести, во-вторых, всегда заискивает перед другими.

И тут её осенила блестящая идея:

– Господин Хун, девушка, вроде меня, хотела бы поработать у вас, можно ли мне быть вашей помощницей?

– Господа, хотел вам сказать хорошую новость, несколько дней назад начальник Ци искал меня, чтобы обсудить одну вещь, – встал начальник Бай и на полном серьёзе обратился к Ли: – Вы, наверное, уже в курсе? – Ли улыбнулся и покачал головой в знак согласия. – Действительно, хорошая новость, касается всех высших руководителей. Последние несколько лет экономика нашего уезда стремительно развивалась, особенно мы преуспели в привлечении новых инвесторов. К тому же, на территории уезда осталась зона экономического развития государственного значения. Так вот, к чему я, начальник Ци желал, чтобы я остался на второй срок, – сказал Бай, и все собравшиеся встали. – Тем не менее нужно провести голосование во Всекитайской партии народных представителей – ВСНП.

– А вы не думаете, что Ма попытается вас сместить? – тревожно спросил поэт, на время отвлёкшись от своих стихов.

– Ма? Да он бывший председатель и к тому же мой хороший друг, вы думаете, он что-то сможет сделать?

Цин Ни знала, что они с Ма заклятые враги. При встрече они не говорили друг другу ни слова, а как только выпадал шанс, старались друг друга выставить в плохом свете.

На столе уже стояло восемь опустошённых бутылок вина, Цин Ни почувствовала, что пьянеет, в это время официант принёс ещё и пиво. Цин Ни боялась предыдущего плачевного опыта, поэтому предпринимала всё, чтобы не опьянеть: сходила два раза в туалет и пила много воды.

Вернувшись из туалета, она вошла в комнату, которая была вся в дыму, каждый из гостей поменял свои места, и уже никто не обращал внимания на этикет и приличия. Один только председатель Хун сохранял в глазах признаки разума, он сидел, покачиваясь в такт музыке. Секретарь Шао рассказывал Ли свои стихи, председатель Бай сидел неподвижно, увидев Цин Ни, попросил её подойти.

Она тряхнула головой, подумав о том, что нужно сохранять благоразумие. Она была к нему любезна и понимала, что если он и вправду останется ещё на один срок, то лучше не портить отношение, ибо её семья живёт в уезде, особенно это касается двух братьев и сестры.

У Цин Ни перепутались все мысли, она как будто потеряла способность рассудительно мыслить, какое-то ничем не объяснимое чувство бескрайней и нескончаемой тоски охватило её.

Вчера ей позвонил Лю Цзюнь и около десяти минут молчал, всхлипывая в трубку.

Сегодня утром она проснулась поздно, почти в девять часов, потому что вчера сон долго не шёл к ней. Не успев нормально позавтракать, она побежала в адвокатскую контору на работу. Как только она села за рабочее место, раздался звонок, и Цин Ни не раздумывая сняла трубку. Судя по диалекту, который доносился из телефона, ей звонил командир Чхэн. Он, преисполненный радости, пригласил Цин Ни на ужин, но она, вспомнив ситуацию, которая произошла в прошлый раз, почувствовала себя подавленной, к тому же её очень сильно раздражала хэнаньская брань его жены. Поэтому она отказалась от ужина, объяснив отказ тем, что с утра у неё совещание, а после обеда деловые банкеты, и совсем нет времени, чтобы встретиться с ним. Командир Чхэн начал занудно поучать:

– Цин Ни, в современном запутанном обществе много нехороших людей, тебе не следует гулять одной, я беспокоюсь, что такую молодую девушку, как ты, легко обмануть.

У неё было подавленное настроение, и напрочь пропал аппетит. Она целое утро всё думала и думала о произошедших неприятных вещах. Горькие слёзы Лю Цзюня пробудили у неё воспоминания о его нежности и заботе. Пока она сидела и грустила, ей снова позвонили. На этот раз начальник Ху из прокуратуры сказал, что открылась новая гостиница, и он хочет пригласить Цин Ни поужинать, чтобы познакомить её с владельцем гостиницы господином Цзинь. Она уже хотела отказаться, как начальник Ху предупредил, что гостиница ищет юриста-консультанта на постоянную работу, и он уже порекомендовал им Цин Ни. Услышав такое предложение, она почувствовала тепло в душе, как будто в жизни потихоньку наступала белая полоса. Кроме того, она принципиально никогда не отказывалась от дел, связанных с работой.

Начальник Ху остановил машину прямо около высотки телевизионного центра, как раз там, где нельзя было парковаться. Но его это не смутило, он наоборот припарковался именно там, потому что, как правило, инспекторы ГИБДД не решались потревожить его. Как только Цин Ни села в машину, подошёл инспектор-толстячок и попросил у Ху Кэ водительское удостоверение. Начальник Ху Кэ хотел было тронуться, но инспектор встал поперёк пути и рукой отдал честь. Ху начал сдавать назад, инспектор бросился к машине и дёрнул за дверную ручку, но Ху Кэ закрыл все двери автомобиля и потом скорчил гримасы полицейскому.

Толстячок внезапно пришёл в ярость и с помощью рации позвал на подмогу ещё одного полицейского. Это была девушка. Теперь они вместе не давали машине сдвинуться с места. Толстячок начал громко кричать по рации, чтобы вызвать эвакуатор, а потом отвезти машину на штрафстоянку. Цин Ни заметила, что вокруг машины стала собираться толпа людей, она толкнула Ху Кэ:

– Ху Кэ, да перестань ты! Давай уже выйдем из машины и просто извинимся!

– Извиняться? Кто перед кем должен извиняться? Какой-то маленький полицейский даже не пошевелил мозгами, осмелился так поступить! К тому же, если ты извинишься перед ним, это будет означать, что ты не уважаешь себя. погоди, я сейчас позвоню кое-куда, и потом

он перед нами извинится! – Ху Кэ набрал какой-то номер – занято, набрал другой номер – выключено. – Чёрт бы тебя побрал! До них ещё и не дозвониться, как мне тут проехать?

Наконец Ху Кэ дозвонился.

– Дядя, это «второй ребёнок», тут около здания ТВ инспектор ГИБДД обижает меня, тебе следует обратить на него внимание, я ещё никогда так не злился, они там снаружи хотят раздавить мою машину!

Через пять минут рация инспектора-толстячка зазвонила, он какое-то время слушал, потом недовольно окинул взором Ху Кэ, в конце концов с безысходностью закатил глаза и роптал в рацию, а руками подал знак начальнику Ху Кэ, что путь свободен.

– Он говорит ехать, и что? Я что сразу должен поехать? – Ху Кэ сердито ворчал себе под нос, а потом подмигнул Цин Ни, достал пачку сигарет и непринуждённо затянулся. – Кто вообще соблюдает законы? Как можно ограничивать самого себя?

Цин Ни смотрела в окно на людей, и ей казалось, что и ни уехать, и ни продолжить споры, а просто так стоять у всех на виду в зоне, где нельзя парковаться, совсем неловко. – Ху Кэ, поехали! Разве они нам не разрешили?

– Он позволил себе преградить мне дорогу! Цин Ни, решай, дадим ему возможность извиниться или нет?

– Ха-ха, ну и что получится? Разве мы не выдаём ложь за правду?

– Что значит ложь? Иметь власть – «правда», не иметь власти – «ложь», таково общество!

Договорив, он недовольно шмыгнул носом, опустил стекло и поехал.

– Ты думаешь, мы завоевывали себе власть, чтобы позволить другим отдыхать? Эта страна наша!

Эмоции начальника Ху Кэ били через край, это напомнило Цин Ни о многом.

Она смотрела в окно, ей казалось, что она бессильна, даже хуже тех, временно подрабатывающих, что усердно давили на педали велосипеда. Возможно, у них есть прописка в этом городе, у некоторых собственная квартира. А она – обычная провинциалка, за душой ни гроша, хотя называет себя юристом. Но на самом-то деле – просто бедная выпускница университета, у которой всего два платья и один рюкзак.

«А мой отец тоже, как сказал Ху Кэ, завоевывал власть? Но я же не враг, я даже у власти ни разу не была и ни разу не грелась в лучах чужой славы».

– Ху Кэ, а ты кому звонил только что? Как инспектор поменял своё мнение так быстро?

– Сначала позвонил парням из ГИБДД, они там, так сказать, «пешки», но их начальники могут решить всё. У тех парней был выключен телефон, может, на совещании были. Потом увидел, что этот сукин сын всё равно не пропустит. При этом ему без разницы, что я ему в отцы гожусь, – он заметил, как Цин Ни нахмурила брови. – Потом я позвонил своему дальнему родственнику, угадай кто он такой? Ни за что не догадаешься, он – заместитель начальника ГИБДД городского полицейского участка, он так кричит, что любой его послушается.

– Ху Кэ, а у вас в семье много чиновников?

– Ха-ха, много! Вся моя родня! Я же не абориген, попросту крестьянин из деревни, но мой отец участвовал в революции, его выдвинули другие люди. В итоге, ты разве не знаешь? Здесь появился великий деятель, а местные люди, следуя за ним, стали чиновниками. Это и называется, родственники и друзья получившего высокий пост тоже получают высокую должность.

Ху внезапно ударил по рулю и остановил машину у обочины.

– Вот почему у меня среди родственников много чиновников. Жители одной деревни заботятся о жителях другой, а как это называется? Когда хорошо одному, хорошо всем. Все тесно связаны между собой. – Глаза начальника Ху странно заблестели.

– В другом месте мы бы не осмелились так говорить, только здесь, в старом или новом городе, никто не посмеет обидеть нас.

Цин Ни прочла на табличке, висевшей на входе в пожарную часть, что они уже в западном пригороде. Гостиница «Цзинь Нянь» стояла на северной части дороги, вплотную ко входу в супермаркет. Это было небольшое четырёхэтажное здание с четырьмя колоннами на входе, обмотанными чем-то, похожим на золотую фольгу. В остальном же всё выглядело довольно потрепанным. Около лестницы стояли в ряд церемониальные маленькие пушки. Это своего рода новый тип оружия, который сжигает сжиженный газ и может сделать настоящий салют. Слева стоял заезженный лимузин «Линкольн», украшенный красными шёлковыми лентами.

Цин Ни получила бейджик, похожий на цветок, на котором было написано «Почётный гость». Посмотрев, как носят его другие, она прикрепила его на грудь.

Зал на первом этаже был заполнен гостями, слева стояли кожаные диваны, но негде было сесть. Начальник Ху горделиво стоял посередине зала. Из-за ресепшена торопливо выбежал мужчина, лет тридцати на вид, в костюме чёрного цвета, он был очень похож на начальника Ху, такой же белолицый, но гораздо приятнее его. Он оказался генеральным директором этой гостиницы, звали его Цзинь СяоТун.

На входе в ресторан висел гигантский свиток, на котором сверху было написано ярко-золотистыми иероглифами: «Поздравляем гостиницу “Цзинь Нянь” с торжественным открытием!» «Большой» зал был не таким уж и большим, однако украшен был роскошно.

Генеральный директор Цзинь пригласил начальника Ху и Цин Ни в зал для vip-гостей. Внутри было три стола, на которых стояли свежесрезанные цветы, на подоконниках также были цветы. За столами сидело около десяти человек со сдержанным выражением лица и опрятно одетые. С первого взгляда можно было понять, что они – важные персоны.

Начальник Ху был знаком почти со всеми приглашёнными. Он почтительно шагал вперёд и пожимал руки. Из его уст непрерывно доносилось: «О! Секретарь Ван, здравствуйте! О! Начальник управления Лю, привет! О! Начальник штаба Чхэн...»

Цин Ни вспомнила, как начальник Ху злобно вёл себя с дорожным инспектором, ей показалось забавным то, как сейчас Ху, поджав губы, приветствовал руководство. Из-за того, что он волновался, волосы на его голове взлохматились. «Начальник Ху – очень умный, у него высокий коэффициент эмоционального интеллекта (EQ). Он только что третировал инспектора ГИБДД, чтобы показать своё мастерство». Такие выводы заставили Цин Ни улыбнуться.

Из-за стола подошёл человек, единственный, кто был одет в военную форму. Его появление почти изменило дальнейшую жизнь Цин Ни.

Это был старший лейтенант, маленькое красное лицо и бросающийся в глаза острый нос. Лейтенант подошёл к начальнику Ху и отдал ему честь, потом пожал руку Цин Ни. Во время рукопожатия в глазах лейтенанта что-то блеснуло.

– Меня зовут Ван Тао, я из политуправления гарнизона, – отчётливо сказал он Цин Ни. Как только он перестал говорить, начальник Ху схватил Цин Ни за руку.

Торжественный приём начался под оглушительную музыку.

Генеральный директор Цзинь с раскрасневшимся лицом стоял в самом центре и читал с черновика. Цин Ни не расслышала ни одного слова из его речи. Вслед за генеральным директором каждый стол, один за другим, начал поднимать бокалы в знак уважения. Когда дошли до начальника Ху, генеральный директор Цзинь на сильном северо-восточном диалекте начал рассказывать о гостинице. Когда он говорил о проживании, ресторане, караоке и сауне, он выразительно подмигнул начальнику Ху. Посмотрев на его выражение лица, Цин Ни догадалась, что речь идёт о так называемой комплексной услуге, включающей обжорство, пьянство, разврат и азартные игры. В тот момент ей показалось, что они – кровные братья.

– Гендиректор Цзинь, – начальник Ху поправил очки, – это моя подруга, юрист. Эм, фамилия Ван, талантливая выпускница Китайского университета политики и права. Вам, кажется, не хватает юрконсультанта, наймите её, хорошо? Сразу и решим вопрос!

– Я не смею ослушаться приказа начальника Ху! Завтра госпожа Ван может прийти подписать годовой договор на должность юрконсультанта... А зарплата... согласно самым высоким стандартам!

Цин Ни чуть в обморок не упала после таких слов, потому что это была первая работа, в которой вся ответственность была на её плечах. Все были потрясены, а Цин Ни почувствовала себя самым лучшим юристом в городе. Когда другие гости подходили поприветствовать Цин Ни, начальник Ху вместо неё отвечал на вопросы, а у неё на душе становилось тепло.

Блюда на пиршестве были вкусные, да и настроение у неё было хорошее, поэтому Цин Ни ела с огромным аппетитом. После третьего бокала начальник Ху пошёл к остальным двум столам поприветствовать гостей. Цин Ни даже вдалеке от него слышала всевозможные вежливые фразы. За соседним столом сидел тот самый остроносый лейтенант и то и дело украдкой поглядывал на Цин Ни. Взяв с собой стакан пива, он подошёл к ней.

– Госпожа Ван, мы с вами из другого поколения, но с одной земли, – лейтенант с огромной улыбкой взглянул на лицо Цин Ни. – Я уже представился только что, меня зовут Ван Тао, можно с вами чокнуться бокалами?

Цин Ни встала из-за стола, чтобы чокнуться.

– Госпожа Ван, а как долго вы работаете юристом?

– Только начала, – ответила Цин Ни, присаживаясь обратно за стол.

– А вот как... Сложно работать юристом?

– Хм... ну, нормально.

– У меня к вам просьба, не могли бы вы приехать в наш район, чтобы распространять юридические знания? То есть прочесть лекции для работников аппарата. Оплата? Будет, но немного. Пятьдесят юаней за час.

Цин Ни очень нужны были деньги, к тому же ей нечем было заняться. Пятьдесят юаней в час – очень выгодное предложение.

– Хорошо, у меня есть время, чтобы провести несколько лекций. А оплата не имеет значения.

– Ах, замечательно! – лейтенант засиял от радости.

– Ван... Как вас называть? Можно лейтенант Ван?

Лицо Ван Тао залилось краской, Цин Ни показалось это очень милым.

– Зовите меня Сяо Ван, хи-хи.

– Что? Тебя зовут Сяо Ван? – хмуря брови, вернулся начальник Ху. – Сяо Ван, давай выпьем! Обязательно выпьем водки! – прикрикнул начальник Ху в приказном тоне.

Лицо Ван Тао опять покраснело.

– Начальник, я, правда, не могу.

– Правда-неправда, а выпить надо! – Ху налил полный стакан водки. – Дружище, даже старший военачальник Цзинь из вашего района или комиссар Ба при возможности обязательно выпьют со мной, понял? Выпьем!

Ван Тао аккуратно посмотрел на Цин Ни, но она не подала вида.

– Хорошо, раз уж начальник приказывает пить, я выпью! – Ван Тао, зажмурив глаза, выпил залпом стакан водки.

Утреннее солнце заполнило офис ласковыми лучами. Цин Ни казалось, что окружающие её люди были такими близкими. Секретарь Цинь поливала цветы из лейки какими-то лекарствами, потому что в последнее время в офисе появились мушки, и она думала, что главными виновниками были цветы в горшках на подоконнике.

Юрист Чжан погрузился с головой в свои документы.

В коридоре появились два человека, разговаривавшие на кантонском диалекте. Цин Ни вне офиса вела себя как профессиональный юрист, а как только вернулась в офис, сразу почувствовала себя обычным практикантом, или девочкой на побегушках.

Директор Ван последние дни всё чаще говорил об открытии нефтяного месторождения, поэтому она поняла, что те два человека, говорившие на кантонском, определённо имели отношение к этому делу. Она, не раздумывая, пригласила их войти и, без лишних вопросов, проводила к директору Вану.

Директор Ван беседовал с юристом Чжэнь, уставившись на спинку стула.

Она была тёмненькая и полная, только недавно начала работать юристом, а держалась высокомерно. Цин Ни пренебрежительно относилась к юристу Чжэнь, ведь раньше она преподавала в каком-то университете политологию, потом через знакомых пришла в адвокатскую контору, переквалифицировалась на юриста. Благодаря лести и заискиванию, Чжэнь не сдавала никаких экзаменов, но при этом получила официальный статус адвоката. Во всём этом ей помогал директор Ван.

Цин Ни не прогадала, те два человека и вправду пришли обсудить открытие месторождения с директором Ван. Он, засмеявшись, прикрикнул:

– Цин Ни, ты не уходи, останься послушать про большой бизнес.

Чжэнь косо посмотрела на Цин Ни.

– Чжэнь, говорят, твой зять уехал в Шэньчжэнь, – мило спросила Цин Ни.

– Да, а что? – раздражённо спросила Чжэнь.

– Да ничего, просто слышала, что в Шэньчжэне неплохо, близко к Гонконгу, очень завидую ему.

– Какой смысл завидовать? Говорят, там не хватает юристов. Но... ты же не юрист, – ехидно засмеялась Чжэнь. – Молодость девушки – это её капитал, на юге девушки тоже неплохо живут, ха-ха.

Цин Ни вошла в кабинет директора Вана. Тёмненькая и полная женщина говорила одними намёками. Девушка, которая приехала из деревни, Ли ЮйСянь, за спиной всё время говорила, что Чжэнь – белая тигрица. Цин Ни спросила, что значит – белая тигрица.

Юрист Ли сказала:

– Ты, правда, не знаешь? – Потом тихонько засмеялась и сказала, что в следующий раз, когда Цин Ни будет умываться с юристкой Чжэнь, сразу поймёт.

Иногда юрист Ли и все остальные попросту называли её «дух зла», что означало – беда, которая могла причинить вред, но они никогда не осмеливались сказать ей это в лицо, потому что Чжэнь была немного нервной. Она почти ничего не понимала в юриспруденции, потому что изначально и не училась на юриста. После того, как стала адвокатом, никогда не вела судебные дела. Если спросить её почему, она всегда отвечала, что денег ей и так хватает, к чему так заморачиваться. Она бегала в кабинете директора Вана, сидела в уголке и бестолково болтала, мешая Цин Ни войти.

Директор Ван был невысокого роста, тоже недавно сменил профессию, поэтому часто неправильно называл термины. Но иногда этот юрист второго класса твёрдо заявлял, например, что приговор – это нормативный документ, и никто не осмеливался спорить с ним. Цин Ни это заставляло думать, что директор – умудрённый опытом человек.

Директор Ван несколько раз звал Цин Ни поужинать, но она всегда отказывалась, увидев поблизости «белую тигрицу». Хоть он и выглядел слабым, но в общении с женщинами был не промах.

В их адвокатской конторе было больше тридцати юристов, но никто из них не имел должной профессиональной подготовки. Один из них – носивший парик юрист Вэнь – вообще до адвокатской конторы был работником санитарной службы. Только после знакомства с директором Ваном он узнал, что на свете есть такая профессия – юрист. Поэтому когда он понял, что быть юристом лучше, чем работником санитарной службы, подал документы на заочные курсы по юриспруденции. Юриспруденцию он так и не усвоил. Но директор Ван был ответственным

за экзамены юристов, и Вэнь приглашал его на ужин почти каждый день, поэтому в конце концов стал работать юристом в адвокатской конторе.

Цин Ни у себя в офисе была единственной, у кого был диплом бакалавра, к тому же известного университета. Но ей казалось, что это преимущество её отдаляет от остальных. Поскольку приехавшая из деревни девушка с таким образованием была как бельмо в глазу.

– Цин Ни, присядьте, – директор Ван развалился на большом стуле. Он не мог сидеть ровно из-за своего живота. – Ты выпускница университета, к тому же недавно вернулась из Пекина, помоги нам проанализировать перспективы этой сделки?

Цин Ни наклонилась к нему:

– Директор, вы о какой сделке говорите? Я ничего не понимаю.

– Никто не понимает всё и сразу, учись потихоньку, – сказал директор Ван, смеясь.

Двое посетителей из Гуандуна открыли кожаный портфель, достали огромную стопку бумаг. Начали говорить на мандаринском наречии, но с очень сильным кантонским акцентом. Цин Ни ничего не понимала и даже не хотела слушать, открытие месторождения в Шэньбэе звучало для неё как нелепица.

Цин Ни, как только переступила порог Китайского университета политики и права, искренне влюбилась в юриспруденцию. Особенно её интересовала западная идеология в юридическом деле, разделение властей, естественные права человека и другое. Эти знания отложились в её голове, тогда как остальных студентов волновали только практические знания. Они каждый день зубрили статьи и пункты статей, применяемых в судебной практике того времени.

Цин Ни читала просветительские книги, западную литературу по политике и юриспруденции, всё для того, чтобы расширить свой кругозор. Ей казалось, что китайцы до сегодняшнего дня в идеологии не достигли уровня Запада, который был там двести лет назад.

Адвокат – детище демократии, инструмент республиканского строя, а также самая модная профессия. Но простые люди совсем не задумываются над ролью юриста, что он защищает их права. Наоборот, некоторые даже полагают, что юристы – это мошенники. Хотя теоретически она и понимала, что нет никакой рыночной экономики и свободной конкуренции, демократии и законов, а тем более юридического порядка, но она считала, что юрист должен быть юристом!

Цин Ни окончила университет всего несколько месяцев назад и старалась соединить полученные знания с практическим опытом. Сегодня предоставилась возможность перенять опыт у директора Вана, возможно, это поможет ей в овладении навыками настоящего юриста.

– Директор Ван, вот вы как опытный юрист считаете ли китайских адвокатов профессионалами в своём деле? Как вам эта профессия? – обратилась она к выпирающему животу на высоком стуле.

– Вы ещё у меня спрашиваете? – он засмеялся и горделиво выпрямил спину. – Естественно, я считаю, что это лучшая профессия на земле! Вот ты сейчас работаешь юристом, считай, что строишь себе дорогу в светлое будущее!

– Вы ещё такой молодой, а уже юрист второго класса, – засмеялась Цин Ни.

На самом деле ранее ей сказали, что директор Ван закончил только неполную среднюю школу, потом потратил деньги на подделку документов, взятку комитету, утверждающему высшие должностные звания и, только благодаря всему этому, стал юристом второго класса.

– Скажу тебе начистоту: квалификация, название должности – всё это не имеет значения, простой народ в этом не разбирается, – директор Ван приподнялся и взял со стола таблетки, пережевал одну и кое-как сглотнул её. – В системе ценностей Китая власть имеет приоритет, проще говоря, тот, у кого есть власть, имеет решающее слово. А закон что? Закон просто закон... Сейчас я тебе расскажу, закон, как пальто, его можно надеть на любого человека, но при этом закон – это то, что находится в головах людей, имеющих власть определять его. Ещё скажу тебе, что в Китае для того, чтобы быть юристом – не обязательно оканчивать универси-

тет, зачем тратить время? Хватает культурного уровня старшей школы, умеешь писать иероглифы и достаточно. Культурное развитие не обязательно должно быть высоким, но нужно быть находчивым, уметь строить связи, а всё почему? Потому что у судебных чиновников, как правило, вообще нет культуры. А твой уровень культуры обязательно должен быть ниже, чем у них. В противном случае последствия будут плачевными, ха-ха...

– Директор Ван, я всё равно не понимаю, как может человек, окончивший лишь старшую школу, сдать экзамен и получить квалификацию юриста? Как он потом будет работать? – Цин Ни оказалось, что директор Ван изъяснялся неприемлемо.

– Я говорю, что хватает среднего образования, не говорю про возраст. Ребёнок, естественно, не сможет работать юристом. Человек становится книжным червем, необщительным и асоциальным, когда у него высокоразвитая культура. Такой человек, если станет юристом, будет всё делать по книге, разъяснять теорию и всякие законы, статьи, кому вообще нужен такой юрист? Получить квалификацию можно не только путём сдачи экзамена. Например, я много лет работал в комиссии на экзамене по юриспруденции. На самом деле всего лишь нужно принять участие в нём, а люди в комиссии знают, как всё устроить. Честно говоря, те, кто стал юристом, сдав экзамен, полные неумехи, ха-ха!

Цин Ни посмотрела на сидящих рядом людей, на юриста Вэнь, Ли, на заику с залысиной Цао, неужели они все стали юристами благодаря способу директора Вана?

– Ван, а вы расскажите, как тогда должен работать юрист?

– Как угодно, но если хочешь выиграть дело, то нужно использовать один трюк, раньше говорили так: чтобы попасть в яблочко, надо иметь несколько стрел в обеих руках. В левой руке закон и факты, в правой руке пулю в сахарной глазури, ха-ха-ха...

Два бизнесмена из Гуандуна повалились со смеху, бывший работник санитарной службы тоже смеялся до слёз, но Цин Ни не смеялась, потому что не поняла шутку, она считала, что так не должно быть...

Она подняла голову и спросила:

– На что опираются судебные чиновники, вынося приговор? Неужто они слепо выносят своё решение?

– Есть те, кто полагается на факты, на закон, однако есть те, кто слепо выносит приговор, ещё есть те, кто даёт взятки, обычно они и выигрывают дело, веришь или нет? В таком большом мире каких только не бывает людей. Как по мне, уровень судебных чиновников сильно уступает уровню обычного юриста. Потому что, чтобы стать юристом, нужно сдать экзамен по юриспруденции, а стать чиновником легко. Написать какой-то внутренний экзамен и то для вида.

– Знаете, я, правда, расстроилась после всего услышанного, – грустно сказала Цин Ни.

– Расстроилась? Ты просто не в курсе, что Китаю не подходит западная правовая система, такая система дурит население. В капиталистических странах закон служит богатым людям, является инструментом давления буржуазии на простой народ. В Китае такая система связала бы пролетариат по рукам и ногам.

Цин Ни рассмеялась. Она не понимала, как «опытные» юристы могли говорить только шаблонными фразами. В университете студентов учили шевелить мозгами, особенно молодые преподаватели-интеллектуалы, их мышление было довольно свободным и открытым.

Цин Ни первый раз разочаровалась в профессии юриста.

– Директор Ван, вы имеете в виду, что иногда юристы, не брезгуя никакими методами, идут по головам, лишь бы выиграть дело?

– Можно и так сказать, но нужно учитывать все детали, иначе потерпишь фиаско. Нынешние юристы и юристы моей юности совершенно разные. В те времена мы все носили специальную одежду, когда я выступал в суде, в кармане у меня был маленький пистолет. Сейчас всё по-

другому, юристы – простые люди, если сделают что-то неправильно, то правоохранительные органы вынесут им выговор.

– Нам в университете никогда не объясняли так ярко и убедительно, – сказала Цин Ни, улыбаясь во весь рот.

– В университете? – директор Ван с пренебрежительным видом разлёгся на своём стуле. – В университете все только и делают, что зубрят учебники. Как они могут понимать современное общество? То, что написано в книгах, и то, что происходит в реальном мире, сильно отличается друг от друга. А те интеллектуалы, которые поддаются влиянию западного образования, недовольны обществом, поэтому не нужно их слушать, нужно слушать партию и правительство.

– Директор Ван, правительство тоже не разрешит вам преступать закон и нарушать дисциплину.

– Разумеется! Слушать правительство, значит, не ссориться с исполнительной властью. Например, юристу надо вести себя хорошо, налаживать отношения с людьми, у которых есть власть. Не нужно чуть что сразу применять законы, все эти статьи дурачат простой народ, тебе не нужно придавать им большого значения. Пролетариат использует закон не для себя, а против врагов. К слову, а кто такие враги? Кто их определяет и как? Разве не те, у кого есть власть? Ха-ха.

«Пролетариат использует закон не для себя» – эту фразу, кажется, уже произносил начальник Ху.

– Директор Ван, вы такой умный. Послушать вашу речь – полезнее десяти лет учёбы. А много людей, которые смогли достичь вашего уровня? – лицемерно спросила Цин Ни.

– Немного, вообще немного! – директор Ван горделиво разлёгся на стуле.

– Цин Ни, во всём Китае не найдёшь таких, как директор Ван, – присоединился к разговору бывший работник санитарной службы Вэнь.

– Цин Ни, – директор приподнял пятую точку, – зачем мы тут полдня распинаемся? Короче говоря, если ты юрист, то нужно иметь хорошие отношения с правоохранительными органами, не нужно чуть что, сразу опираться на законы, играть в справедливость. Это неэффективно, кто прав, а кто виноват, решают чиновники. Цин Ни, а как обстоят дела с твоей квалификацией? Ты всё ещё готовишься к экзамену?

– Да, всё верно, каждый день читаю учебники, – опустив голову, ответила Цин Ни.

– Ты же не нищая старая женщина, упрямая, как осёл. Директор Ван кем захочет тебя назначить, тем ты у него и будешь, – восхищённо сказал Вэнь.

Услышав его слова, юрист Ли, сидящая рядом и ковыряющаяся в носу, посмотрела на Вэня свирепым взглядом.

Цин Ни окинула взглядом всех юристов – помощников директора, в голове была только одна мысль: я выпускница известного университета, как я вообще оказалась с этим разношёрстным отрядом в одной команде? Где вообще такое возможно, стать юристом благодаря связям? Но вслух произнесла лишь:

– Да, директор Ван – авторитет в мире юриспруденции. Отныне я буду учиться только у вас!

Юрист Ли застыла с пальцем в носу:

– Цин Ни, мне кажется, ты здесь, работая юристом, растрчиваешь свой талант. Тебе бы замуж выйти и плюнуть на всё это!

Цин Ни поняла, что ей пора уходить отсюда, она и так нажила себе много врагов в лице пожилых сотрудниц, не могла она больше терпеть неприятные речи. Она собралась, встала и вышла из кабинета директора.

Сегодня утром ей позвонил заведующий Хун, сообщил, что начальник посёлка Бай уже приехал и хочет как можно быстрее встретиться с Цин Ни, лучше всего сегодня в обед. А кто

же осмелится не встретиться с начальником родного посёлка, от которого в будущем многое может зависеть?

В последнее время ей снится её учительница Ли, уже пенсионного возраста. По правилам, только после выхода на пенсию она сможет получить пекинскую прописку. Её спутник живёт в Пекине, а она в деревне. После того, как она вспомнила про свою учительницу, ей стало тяжело на душе. Разве будет человек, у которого есть семья, жить в деревне и ждать? Цин Ни хотела попросить у начальника посёлка Бай официального разрешения, чтобы учительница Ли раньше вышла на пенсию и соответственно раньше вернулась в Пекин.

Начальник Бай всегда назначал место встречи в ресторане, он говорил, что предпочитает новое старому, поэтому менял рестораны каждый раз. Заведующий Хун лучше всех понимал начальника Бая, каждый день повторял одну фразу: угощать ужином – вот революция. Один раз Хун публично заявил: в следующей жизни он будет жить в животе у начальника Бая, в лучшем случае станет большим глистом. Начальник Бай услышал эту шутку и сказал, что в таком случае он выпьет глистогонное, чтобы смыть заведующего Хуна в унитаз.

Приехали в «Мясную лавку» – недавно открывшийся ресторан-самовар, рекламу которого постоянно крутили по телевизору. Хун разузнал ситуацию и выбрал этот ресторан, заказал отдельную комнату на втором этаже. Цин Ни всегда приходила вовремя, приехала без пяти двенадцать, села сбоку. Официант спросил, какой чай она будет пить, Цин Ни выбрала хризантемовый с сахаром. Тут же пришёл заведующий Хун, сначала он протёр стул главного гостя, потом обратился к Цин Ни.

– Цин Ни, начальник Бай думал о тебе, – сказал он, хихикая. – Начальник Бай, что за человек? Ему легко может понравиться кто-то.

– Заведующий Хун, что значит «может понравиться кто-то»? – Цин Ни первый раз заговорила с заведующим в таком тоне. – Как вы можете нести такую чушь?

– Хи-хи, что значит нести чушь? Я всего лишь пытаюсь свести вас, сделать хорошее дело для чиновника и для тебя, а ты ещё и противишься!

Начальник Бай зашёл вместе с секретарём Шао. Одет он был старомодной не к лицу, а его живот, как всегда, урчал. Секретарь Шао весь запыхался, сразу же плюхнувшись на стул, залпом выпил стакан чая, вода ещё не дошла до желудка, как он выплюнул чай прямо в сторону заведующего Хуна.

– Хун, как ты стал заведующим, неужто ты не знаешь, что у меня диабет. Как ты посмел положить сахар в чай? Ты вообще подумал, прежде чем так сделать?

– Секретарь Шао, я заказала этот чай и попросила положить туда сахар, заведующий Хун тут вообще не при чём, ха-ха, Шао, не злись, – Цин Ни нашла выход из положения.

– Хун, ты в следующий раз будь внимательнее. Всё равно, кто это сделал, выполнить задание нужно было тебе, с тебя и спрос! – сердито сказал секретарь Шао.

Только что весело беседующий Хун вдруг стал, как баклажан, замёрзший на холоде, затих и не издавал ни звука.

– Цин Ни, – дружелюбно начал начальник Бай, – ну как ты? В последнее время сильно занята? Адвокатская контора нравится? Как ты попала в такое место, там ведь собрались одни недоучки. Ты научишься у них плохому, разве это принесёт тебе пользу?

– Начальник Бай, вы совсем отстали от жизни. В наше время правит закон, как же будет существовать общество без юриста?

– Цин Ни, ты ещё молода, не говори так. Нам в посёлке нужен человек в администрацию. Заведующий Хун не может разорваться, изначально я хотел назначить тебя заместителем начальника, государственным служащим, который жил бы здесь, в городе. Так у нас был бы человек наверху, но, кажется, ты не очень хочешь.

– Моя цель в жизни – стать юристом. Китай так быстро развивается и законодательство вместе с ним. Я могла остаться в Пекине, но я вернулась, потому что здесь юристы востребованы больше, чем там.

– О-о, Цин Ни, я даже не знал, что у тебя такие большие амбиции! Ты не только красивая, но и талантливая, идейная. Давай так, я найму тебя на год на должность советника по правовым вопросам нашего посёлка.

– Как хорошо! Как хорошо!, – тут же подпрыгнула Цин Ни.

– Хун, тебе надо обратить внимание, я – диабетик, сейчас у большинства чиновников не только диабет, но и другие болезни, например, подагра. Ладно, я – пустяки, а если попадётся чиновник с крутым нравом? Ты потом такие убытки понесёшь...

– настаивал на своём секретарь Шао.

– Шао, ты почему до сих пор злишься? Может, хватит того, что Хун уже выпил водки? – сказал Бай, подмигнув.

Из-за того, что секретарь Шао выпил чай с сахаром, настроение у него испортилось, он не рассказал ни одной истории и не спел ни одной песни, только и делал, что заставлял бедного заведующего Хуна пить водку. Хун шенячьими глазами искал защиты в начальнике Байе, но тот, ничего не замечая, продолжал поедать принесённые блюда.

Цин Ни заметила, что начальник Бай изменил своему обычаю и вообще не касался рюмки, а всё смотрел в окно, думая о чём-то. Секретарь Шао всё не унимался и подливал заведующему Хуну водку, через полчаса бутылка была уже пуста.

Секретарь Шао закончил наказывать заведующего Хуна и, хромя, ушёл в туалет. Хун был настолько пьян, что у него не фокусировался взгляд.

– Начальник Бай, вы меня даже не выручили?

– В чём? Алкоголь не сам себя пил, ты мог и не пить. И к тому же, разве ты не заметил, что настроение у Шао в последнее время не очень? Он больше не может работать у нас в посёлке, надо отправить его в город на должность заместителя генерального секретаря, думаешь ему полегчает?

– А, а вы?, – спросил Хун с неподдельным интересом.

– Я? Конечно же, останусь начальником нашего посёлка. – Бай смотрел только в глаза заведующего Хуна. – У высшего руководства глаз намётан, они не выбирают неправильный людей. Секретарь Шао – неплохой человек, но очень хитрый, пытается сидеть на двух стульях.

Цин Ни пока слушала их диалог, выпила стакан элитной дорогой водки. Она размышляла: «Называю себя юристом, пробовала немало роскошных блюд, но так и не заработала ни одной копейки. До сих пор живу на деньги, которые мне отправляет семья». В душе она сгорала от беспокойства, к счастью, начальник Бай только что хотел нанять её на должность своего советника по правовым вопросам. Потом Цин Ни рассказала начальнику посёлка о ситуации, сложившейся у учительницы Ли. Он сказал, что поможет. Цин Ни записала имя учительницы на листочке, чтобы Бай ничего не забыл.

– Ах, советник по правовым вопросам! Так я смогу жить на свои деньги! – Цин Ни запрыгала от счастья.

Слушая шум дождя, она пролежала с открытыми глазами всю ночь.

– Неужели нажила себе хроническую бессонницу? – беспокоилась она.

Цин Ни вырвалась из квартиры, которую одновременно арендовали пять-шесть человек, теперь она жила с девушкой, которая приехала в город на заработки. Она очень тихая и аккуратная, одно непонятно Цин Ни, почему ноги той девушки так сильно пахнут, она же моет их каждый день. Она, правда, не понимала, как молодая девушка может не следить за собой. Может, у неё грибок ног или грибок ногтей? Ещё Цин Ни завидовала её легкомысленности и несерьёзности, её можно было вынести из дома, но она всё равно бы не проснулась.

Обычно завтрак у Цин Ни очень простой, половина пакета лапши быстрого приготовления, но недавно она узнала от ушедшей на пенсию юриста Лянь, что несколько человек, из-за того что постоянно ели лапшу быстрого приготовления, заболели лейкемией. Это напугало Цин Ни, и она не ела лапшу несколько дней. Но сегодня, встав с кровати, она увидела лежащую на столе пачку лапши, сразу вспомнила её насыщенный запах и немедленно заварила половину пакета.

Книга в чёрной обложке «На краю истории» лежала на розовой парте.

Вчера у секретаря Шао была такая же. Шесть лет назад Цин Ни увидела её у учительницы Ли, интересно, какая по счёту та, что лежит на столе? Она поспешно начала листать её: июль 1997 года.

Бог ужаса и страха сошёл с небес
И воскресил великого короля Анголмуа.
Марс благословил его на управление страной.

Оказывается, это предсказания Нострадамуса. В книге говорится, что он жил во Франции в шестнадцатом веке, был известным прорицателем. Он говорил разными голосами. Девяносто девять предсказаний из ста сбывались, такими были смерть короля Франции того времени и событие, которое произошло спустя сто лет – появление Гитлера.

Цин Ни знала, что китайцы очень суеверны, но есть буддизм. Подумав о силе данной книги, она засомневалась в том, что упрямые и консервативные китайцы вдруг поверят предсказаниям Запада.

Цин Ни посмотрела на календарь: 10 июля 1993 года, лунный календарь... А по предсказаниям, 1997 год? Значит, до конца света осталось четыре года.

Кто-то говорил, что конец света сделает людей вспыльчивыми и ветреными, все будут думать только о сиюминутных меркантильных интересах. Газеты и телевидение запугают людей до смерти своими рассказами о «Паразите 2000 года», бедная планета Земля!

Она почувствовала себя мудрецом, она раскрыла великую тайну человечества: люди из-за этого предсказания такие нетерпимые, они начали обратный отсчёт времени для своей жизни. А когда останется всего два года, на что нужно будет обращать внимание? Почему нужно думать о далёком будущем? Почему нужно думать о нравственности и моральных принципах?

Она вспомнила интервью, которое увидела по телевизору. Репортёр, держа в руках микрофон, беседовала со странным старым плотником:

– Мастер, вот вы плотник, почему с пульверизатором за спиной, вы ведёте ребёнка на поле?

– О... разве сейчас не все говорят о... о «Паразите 2000 года (The Millennium Bug)»? Хоть я и обычный плотник, но... но дезинфекция – обязанность каждого!

– Все слышали слова этого плотника? – с широкой улыбкой обратилась ведущая к телезрителям.

– Извините, а можно спросить? – старик стеснительно потирал руки. – В конце концов, что за насекомое, которое может жить тысячу лет? Человечество никогда не расправится с ним?

Выслушав ведущую, старый плотник понял, что это название компьютерного вируса, и рассмеялся.

Конец света и вправду время больших перемен.

Цин Ни листала учебники в офисе, масляный вкус от лапши ещё оставался во рту, это беспокоило, но она вспомнила фразу «у страха глаза велики» и поняла, что такие мелочи вол-

нуют только бедных людей. С тех пор, как Цин Ни закончила университет, она жила на триста-четыре юаней, которые ей присылали родители. Она пробовала разузнать, смогут ли ей в адвокатской конторе помочь финансово, но директор Ван, услышав это, отворачивал голову к окну.

Цин Ни понимала, что директор Ван один из тех мужчин, которые постоянно окружены женщинами, например, юрист Чжэнь, юрист Ли. Эти женщины пролезли в ряды юристов только благодаря ему и продолжают полагаться на него до сих пор.

Они же не позволят Цин Ни заработать?

Уже прошло несколько месяцев, но Цин Ни ни разу не видела директора Вана за работой, с утра до вечера он всё кружил около руководителя органов судебной администрации, а также с энтузиазмом раздавал людям квалификации адвоката, ежедневно только пил да ел, она не понимала за счёт чего они существуют...

Слова директора Вана в тот день ещё больше открыли глаза Цин Ни на реальность. Однако она совсем не одобряла его взгляды, разве он не презирает весь этот мир? Он идёт по головам ради своих целей.

В чём сейчас нуждается Цин Ни? Прямо говоря, в деньгах. Нет ничего зазорного в том, что детям помогают родители. Но так много времени прошло с окончания университета, разве можно до сих пор сидеть на шее у пожилых родителей? Их ноша и так достаточно тяжела. Она сидела за столом, размышляя о том, как много важных вещей ещё впереди. Генеральный директор гостиницы Цзинь, который очень похож на начальника Ху, в прошлый раз на торжественной церемонии пригласил её работать к себе юрконсультантом на целый год, но она ещё ни разу не звонила ему, её саму раздражала собственная лень. Точно, сначала она позвонит ему и посмотрит, можно ли договориться.

– Генеральный директор Цзинь? Здравствуйте, я подруга начальника Ху госпожа Ван, помните меня? Ну хорошо. Вы в прошлый раз сказали, что вам нужен юрконсультант, предложение в силе? Попросить начальника Ху вам перезвонить? Хорошо, до свидания.

Цин Ни позвонила начальнику Ху, но у него был выключен телефон. Она позвонила в прокуратуру, туда где он работал, но ей сказали, что начальник Ху в отпуске у себя на родине. Его родина находится далеко в горах, связь в тех местах плохая. Цин Ни снова позвонила директору Цзинь, рассказала о том, что начальник Ху в отпуске и не отвечает на телефон, директор Цзинь сразу изменил своё отношение, сказал Цин Ни принести договор.

Она доехала до гостиницы за сорок минут, офис генерального директора находился прямо около сауны на первом этаже. Кабинет был очень просторным, в середине стоял огромный стол, за ним кожаное офисное кресло, на подоконнике стоял горшок с денежным деревом, а на стене висел свиток с иероглифами. Генеральный директор явно любил пустить пыль в глаза, казаться ценителем искусства, это было понятно с первого взгляда.

Девушка с ресепшена провела Цин Ни в кабинет, развернулась и ушла. Цин Ни сразу села на кожаный диван и, наслаждаясь обстановкой, стала ждать гендиректора. Она заметила книжный шкаф, в котором было немало книг, различные энциклопедии, двадцать четыре династических истории в красивом переплёте, полное собрание сочинений Карла Маркса и Владимира Ленина, избранные произведения Мао Цзэдуна (том пятый), всё что угодно, кроме книг об управлении предприятием.

Также у гендиректора Цзинь была книга в чёрной обложке «На краю истории».

Цин Ни подняла голову и увидела самую модную вещь в предпринимательских кругах – фотографии вместе с людьми, занимающими высокие посты. Ох уж этот гендиректор Цзинь, весь кабинет был увешан фотографиями с руководителями. Цин Ни сразу вспомнилось выражение: прикрываться чужим авторитетом.

С того дня, когда она выслушала философию жизни директора Вана, а также его точку зрения на профессию юриста, Цин Ни тоже постепенно стала привыкать к такому образу действий: всё для того, чтобы жить. Чужой авторитет, конечно, сможет решить любой вопрос, в противном случае никто бы так не делал. Никакие торгово-промышленные, налоговые учреждения, уличные комитеты, квартальные комитеты не осмелятся прийти, чтобы высказать свои недовольства. Все эти фотографии с великими деятелями подобны оберегу бога-хранителя входа, который раньше все клеили на дверь, чтобы отпугивать злых духов.

В тот момент, когда она погрузилась в глубокие размышления, в кабинет вошёл гендиректор Цзинь, в руках он держал горшок с цветком. Не поднимая головы, он пошёл к подоконнику, поспешно поставил горшок, стряхнул с костюма пыль и с улыбкой заговорил:

– Госпожа Ван, как же быстро вы приехали!

– Господин Цзинь, почему вы, большой человек, сами переносите горшок с цветком? – Это был первый раз, когда Цин Ни подшучивала над важным лицом.

– Эх, я первый раз в жизни взял в руки горшок, и девушка увидела это, – директор выглядел подавленным. – Госпожа Ван, вы говорили, что начальник Ху уехал на родину, что у него случилось? Очень странно, но он даже никого не предупредил.

– Я тоже не в курсе, последнее время мы с ним не виделись.

– Вы тоже не часто видите? – Цзинь широко раскрыл глаза.

– Мы виделись последний раз в день открытия вашей гостиницы.

Цзинь взглянул в лицо Цин Ни.

– Как долго вы работаете юристом?

– Два месяца.

– Два месяца??

– Что? Очень мало?

– Нет, нет... Я считаю, что способности человека и время не имеют никакой связи, вы принесли договор? Дайте взглянуть.

Цин Ни передала договор директору. Она обратила внимание на то, что он совсем не читал пункты договора, просто сидел с задумчивым видом.

– А когда возвращается начальник Ху? – он опять обратился к этому вопросу.

– Я, правда, ещё не знаю, – ответила Цин Ни.

– Пока оставьте договор у меня, я информирую других директоров, введу их в курс дела.

– А разве ваше слово не решающее? – немного надавила Цин Ни.

– Конечно, решающее! Но более подобающе будет предупредить их.

Когда Цин Ни садилась на велосипед, заметила, что гендиректор смотрел на улицу из дверей. И хоть она ещё молодая, но уже совсем не глупая: она поняла, что директор не подписывает договор только потому, что хочет набить себе цену и не потерять авторитет. Он приценивался к способностям начальника Ху, оценивал умения Цин Ни вести судебные дела, даже проследил, на чём она приехала. Поэтому её сломанный велосипед может сыграть злую шутку.

От обиды у Цин Ни заныло сердце, но она сдержала свою решительность. Она произносила твёрдые клятвы: обязательно получить квалификацию юриста, в кратчайшие сроки добиться служебного роста, заработать кучу денег, начать ездить на крутой машине и жить в роскошных апартаментах, пусть никто никогда не будет недооценивать её.

Она не сильно беспокоилась о получении квалификации юриста, потому что была уверена в своих силах. Речь директора Вана в тот день содержала жирный намёк: тот, кто рассчитывает на него, обязательно станет квалифицированным юристом, всего лишь сдав экзамен. И желаемая должность новоиспечённому юристу достанется, только он намекнёт членам комиссии. Однако она поняла главное: как бы она ни старалась, всё равно не получится самой добиться этого. Толстяк, ежедневно лежащий на своём стуле, не позволит ей легко получить желаемое.

А что у неё есть за душой? Что можно взять и обменять на что-то ценное? У неё есть только её молодость! В тот день она случайно увидела в зеркале, как директор Ван алчно пялился на её талию. Она поняла намёк в его речи на то, что ей легко сдать экзамен на получение квалификации. Она посмотрела на прошлогодние задания и поняла, что смогла бы без труда достичь уровня для прохождения. В душе она презирала директора Вана.

Цин Ни с самого детства чётко планировала свои дела и выполняла их шаг за шагом. Сейчас, когда у неё нет квалификации юриста, то есть нет допуска на рынок юридических услуг, ей обязательно надо участвовать в осеннем экзамене, одновременно заниматься другими профессиональными делами. В наши дни, работая юристом, много не заработаешь, учитель по гражданскому праву правильно говорил: на всём свете не бывает бесплатного обеда.

Цин Ни пила чай в кофейне на первом этаже гостиницы, поджидая представителей одной из сторон судебного дела. Пока она сидела, заметила несколько человек, у которых на поясе был пейджер, а в руках мобильный телефон, они вели себя непринуждённо. К сожалению, у Цин Ни даже пейджера не было. Вдруг у неё появилась ещё одна цель: обязательно нужно приобрести собственный пейджер.

После обеда Цин Ни приводила в порядок материалы в адвокатской конторе. Вскоре позвонил лейтенант Ван Тао и сообщил приятные новости. В прошлый раз на торжественном открытии гостиницы они немного поговорили о том, что в политуправление района лейтенанта требуется преподаватель юриспруденции. Наконец руководители согласились на то, чтобы Цин Ни проводила лекции. Первая лекция будет послезавтра утром в конференц-зале. Ван Тао попросил Цин Ни хорошо подготовиться.

Для разочарованной Цин Ни этот звонок был словно дождь для земли после засухи, она тотчас же расцвела. В прошлый раз договорились, что за час лекции будут платить пятьдесят юаней. Да неважно сколько, это всё равно деньги!

За две недели она заработала две тысячи сто юаней. Это были, конечно, не первые заработанные деньги, потому что она подрабатывала в маленьком супермаркете на кассе, когда училась в университете. Но теперь деньги были получены от работы по профессии, от уроков по распространению юридических знаний.

Цин Ни взяла из накопленных денег семьсот юаней и побежала на улицу электроники. Прошла около трёх павильонов и в итоге выбрала в одном пейджер с поддержкой китайских иероглифов за две тысячи восемьсот юаней. Теперь Цин Ни купила собственный пейджер на свои деньги, зажав в руках крохотную вещь, она даже подпрыгнула несколько раз. Она вернулась в общежитие, её соседка весь день вздыхала от зависти. Эта ленивая девушка превзошла себя, она встала с кровати, зашевелилась и связала маленький цветной мешочек на верёвке, чтобы Цин Ни могла класть в него пейджер и носить на шее. Соседка своими пухлыми ручками взяла книгу «На краю истории» и сказала:

– Цин Ни, а твой пейджер сможет проработать четыре года?

– Даже не знаю, а что? – Цин Ни читала инструкцию к пейджеру, поэтому не очень внимательно слушала.

– Эх, я ещё не знаю смогу ли попользоваться пейджером в свой остаток жизни!, – сказала соседка с печальным выражением лица.

– А? Что ты говоришь? – Цин Ни убрала лежащие в руках вещи. – Ха-ха, какая же ты забавная! Остаток жизни? Ты плохо думаешь о себе.

– Но... через четыре года человечество исчезнет... Нострадамус давно предсказал. Мы не сможем избежать этого бедствия. Если бы кто-то заранее знал, разве он бы захотел жить?

– Ты, правда, веришь в эти предсказания? – немного с сарказмом спросила Цин Ни.

– Верю, почему бы не поверить! Всё, что он говорил, сбылось, Гитлер, Наполеон... Ты не веришь?

– соседка говорила на полном серьёзе. – Мне нужно срочно найти молодого человека, иначе эта жизнь и так не к чёрту! – кричала соседка по комнате, подпрыгивая на месте.

Юрист Чжан сказал Цин Ни, что прокуратура скоро передаст дело Тэму в суд, юристам лучше ещё раз собраться и обсудить порядок проведения дела.

Никто не знает, как в этом году будет проходить ежегодная проверка, до сих пор нет лицензии на право осуществления адвокатской деятельности. Цин Ни выйдет сухой из воды, это хороший шанс проникнуть в следственный изолятор. Прошлый визит к Тэму в следственный изолятор развеял у Цин Ни чувство таинственности к этому месту. Теперь ей казалось, что такое место ничего особенного не вызывает, кроме удушья. В прошлый раз его держали под стражей в изоляторе за городом, полиция ошибочно предполагала, что мастер одной из школ ушу Улинь принадлежит какой-то мафии, чтобы расширить зацепки и предотвратить утечку информации, упекли троих парней в загородный изолятор. Сейчас дело прояснилось, поэтому их обратно вернули в город.

Городской полицейский участок был внушительных размеров, в четырёхэтажном здании была тюрьма, со всех сторон обнесённая высокой стеной, но без колючей проволоки и сторожевых башен. Только около железных ворот была будка, в которой стоял вооружённый солдат. Около больших ворот была маленькая дверь, когда солдат тщательно проверил документы, разрешил Цин Ни с юристом Чжаном войти в неё. Проверок здесь было гораздо больше, чем в изоляторе за городом.

Великана Тэму привёл одетый в жёлтую тюремную форму маленький парень. Тэму стыдливо сел на крохотный стул, прикреплённый прямо к бетону.

– Тэму, как ты? – спросил юрист Чжан улыбаясь.

– Нор... нормально, – ему сложно было говорить по-китайски.

– Тэму, – Чжан распрямил грудь, – ты понял своё дело? Вернее говоря, у тебя есть вопросы по поводу преступления, которое ты совершил? Если спросить прямо, ты насильвовал женщин?

– Не насильвовал! Мы просто... мы просто сняли проституток.

– Тэму, что значит сняли проституток? Ты знаешь?

Тэму долго думал, начал говорить по-монгольски, повторил несколько раз. Это заставило Чжана рассмеяться.

– Ты говоришь на монгольском, не так ли? Мы с юристом Ван не понимаем тебя, а переводчикам сюда нельзя. Здесь есть надзиратели, которые умеют говорить по-монгольски, мы сейчас найдём хотя бы одного.

– Нет, нет! – Тэму весь вспотел, узнав, что должны прийти надзиратели. – Юристы, я скажу на китайском. Снимать проституток – ну, это когда платят деньги. – Правой рукой он показал жест, означающий «деньги». – Платят деньги, чтобы купить женщину, точнее, ночь с женщиной. – Он сложил две ладони и прислонил их к правой щеке: – Чтобы спать!

– Ха-ха, – Чжан посмотрел на Цин Ни. – За деньги купить ночь с женщиной? Правильно, пусть будет «снять проститутку». Но, кажется, вы не заплатили никому, платили или нет?

– Сначала договорились, что втроем заплатим сто пятьдесят юаней. Полчаса договаривались.

– Да, это было запротоколировано на прошлой встрече, – вспомнил Чжан. – Цин Ни, ты окончила известный университет, практиковалась у нас в адвокатской конторе, скажи, в деле у Тэму есть какие-то вопросы? Когда вернёмся, просмотри материалы, содержащие такие примеры.

– Ага, – хоть Цин Ни и изучала юриспруденцию, но всего лишь с точки зрения теории, она не знала, как на самом деле происходит процесс правосудия, даже не могла себе представить. К тому же она поняла, что между реальностью и учебниками существует большая разница, поэтому ещё не понимала, как применить закон к судебному делу. Например, встреча юриста с подозреваемым, по УПК и документам шести министерств, разрешена. Но организация, ведущая дело, запрещает встречаться с подозреваемым. Юристы выпрашивали у всех подряд, никто не осмелился им разрешить, кроме того, те кто вёл дело, принуждали к даче показаний посредством пыток, но никто не придавал этому значения.

В деле Тэму были проблемы с определением обвинения, но Цин Ни не понимала, какие именно.

Командир Чхэн отправил сообщение Цин Ни, которая в тот момент читала уголовный кодекс, попросив её срочно перезвонить. Цин Ни ещё не успела никому сказать свой номер пейджера, но командир Чхэн уже его знал. Она спросила, откуда он узнал номер и что случилось?

Он ответил:

– Не забывай, кем я работаю.

Чхэн сказал, что к ней в адвокатскую контору придёт человек, против которого заведено гражданское дело. Пусть она его подождёт.

Цин Ни сидела на своём маленьком стуле и от переживаний качалась на нём туда-сюда.

Цин Ни казалось, что после того, как она отказалась от получения квалификации юриста через директора Вана, его отношение изменилось, он странно улыбался со скрытым смыслом, как будто произнося: ну, поживём-увидим.

Цин Ни было тревожно на душе, как он себя поведёт? Директор Ван неоднократно намекал на его связи с судебной администрацией. Он является решающим звеном в дальнейшей судьбе и карьере Цин Ни.

Она инстинктивно понимала, чего он хотел, но не могла так поступить.

Неудивительно, что у него, кое-как перепрыгнувшего проходной балл, хватает наглости строить связи с судебной администрацией. Допустим, у него реально есть такие способности легко обрести знакомствами и очень ценными связями, но Цин Ни ни за что не поддастся на это, потому что она никак не может полюбить лежащего на своём стуле толстяка, с животом, похожим на арбуз.

На самом деле она уже уловила атмосферу их отношений: сама Цин Ни не хотела повиноваться директору, а он уже начал это подправлять. Позавчера она услышала, как юрист Чжан говорил шёпотом:

– Только что директор Ван меня отчитал за то, что я взял Цин Ни с собой в изолятор, он сказал, что не следует вести туда людей без квалификации юриста. Но в тот раз он сам отпустил её...

В тот момент Цин Ни поняла, что юрист Чжан неплохой, он просто нерешительный, трусливый и безобидный человек.

Проработавшая несколько дней юристом Цин Ни неожиданно столкнулась с такой проблемой, но она не испугалась, подумав, ерунда какая-то. Она может стать не только юристом, но и председателем верховного суда, благодаря своей эрудиции и трудолюбию. Потом она подумала и решила, что всё-таки лучше стать юристом, потому что верховный суд ничем не отличается от других партийных органов. Каждый день проводить заседания, передавать документы, выражать свою точку зрения и бросать слова на ветер. А вот юрист – это свободная

профессия, основывается на знаниях специальности. Вдруг она поняла, что подходы и методы юриста и чиновника почти идентичны.

А если директор Ван станет ещё круче, он будет пользоваться неограниченной властью?

Секретарь адвокатской конторы Мао, у которой была квалификация юриста, но она всё равно была не пригодна, подошла к Цин Ни:

– Цин Ни, там какая-то пожилая женщина ищет юриста Ван (фамилия Цин Ни), я подумала, это ты.

– Наверное, не я, а директор Ван.

– Точно ты, она искала девушку-юриста.

Данным человеком оказалась пожилая женщина шестидесяти лет, за спиной у неё была огромная сумка. Как только она вошла в офис, сбросила сумку и вытерла пот. Она подняла голову и оглядела Цин Ни:

– Вы и есть юрист Ван?

– Да, это я, юрист Ван, – Цин Ни оглянулась по сторонам, больше всего она боялась, что в офисе могли быть сплетницы юрист Ли и юрист Чжэнь. – Бабушка, чем я могу вам помочь?

– Командир Чхэн отправил меня к вам, он боевой друг моего племянника, мы даже не земляки. Он из Хэнаня, а я из Хэбэя, эти места недалеко друг от друга. Во всяком случае у нас есть одинаковый слог «хэ», – закончила разговорчивая бабуля.

– Проходите, присаживайтесь, – Цин Ни посадила бабушку на стул. – Придите в себя, попейте воды, а потом расскажете, что произошло. – Цин Ни очень нервничала, юрист Чжан только что вышел. Она чувствовала себя неуверенно наедине с клиентом, к тому же боялась, что вернуться те две любопытных девушки.

– Госпожа Ван, мой сын хотел купить пушнину в деревне N, но ему соврали, используя подставное имя, обманули на пятьдесят тысяч юаней. Мы нашли этого человека, подали жалобу в полицейский участок, они проверили и сказали, что данный случай не в их компетенции, так как является гражданским спором. Потом мы нашли командира Чхэна, а он отправил нас к вам.

– Где сейчас ваш сын? Почему он сам не приехал?

– Он уехал по делам, по секрету вам скажу, он уехал проверить личное имущество того человека, который обманул его, не появилось ли чего нового... если нет, тогда не имеет смысла возбуждать дело.

– Вы можете рассказать, как обстоит дело? – забеспокоилась Цин Ни.

– А, ну в общем так: в прошлом году мой сын познакомился с одним человеком по имени Лю Бату, он приехал к нам в деревню и жил у меня дома почти месяц, каждый день ел и пил... Говорил, что его дядя – секретарь горкома. У нас в деревне все зарабатывают на перепродаже пушнины из Внутренней Монголии, это все знают. Если скажу честно, не обидешься? Монголы гораздо тупее нас, а у вас здесь легко заработать деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.